

КОННИГУЛЬДЕН

АЕВ

ЗОЛОТОЙ ВЕК

◆ КНИГА 1 ◆

The Big Book. Исторический роман

Конн Иггульден

Золотой век. Книга 1. Лев

«Азбука-Аттикус»

2022

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Иггульден К.

Золотой век. Книга 1. Лев / К. Иггульден — «Азбука-Аттикус»,
2022 — (The Big Book. Исторический роман)

ISBN 978-5-389-24973-8

На смену миру богов пришел мир людей. И хотя боги остались только в легендах и мифах, они все еще способны чему-то научить – и от чего-то предостеречь. В священном храме Аполлона греки от имени своих городов и царств поклялись стоять, как один, в мире и войне. И хотя они называли себя Делосским союзом, его сердцем были тогда Афины – город, обретший могущество. Но малые государства стали требовать пересмотра договора. Афины сочли это клятвопреступлением. А клятвопреступление еще во времена богов каралось беспощадно: сжигались города, земли отравлялись солью, развязывались войны, целые народы обращались в прах или рабство. Настало время прийти герою. Тому, кто понимает: чтобы выиграть войну, необходимо сначала выиграть мир. Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-24973-8

© Иггульден К., 2022
© Азбука-Аттикус, 2022

Содержание

Пролог	8
Часть первая	11
1	11
2	14
3	18
4	23
5	29
6	33
7	40
8	45
9	49
10	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Конн Иггульден

Золотой век. Книга 1. Лев

Посвящается Мишель Уайтхед

То, что от нас остается, — любовь.
Филип Ларкин

Conn Iggulden
THE LION

Copyright © 2022 by Conn Iggulden
All rights reserved

Оформление обложки Егора Саламашенко
Иллюстрация на обложке Виталия Аникина
Карта выполнена Юлией Каташинской

© С. Н. Самуйлов, перевод, 2024

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

РОМАНЫ КОННА ИГГУЛЬДЕНА

ИМПЕРАТОР

ВРАТА РИМА

◇

ГИБЕЛЬ ЦАРЕЙ

◇

ПОЛЕ МЕЧЕЙ

◇

БОГИ ВОЙНЫ

◇

КРОВЬ БОГОВ

ЧИНГИСХАН ◇ ХРОНИКИ ЗАВОЕВАТЕЛЯ

ВОЛК РАВНИН

◇

ПОВЕЛИТЕЛИ СТРЕЛ

◇

КОСТИ ХОЛМОВ

◇

ИМПЕРИЯ СЕРЕБРА

◇

ЗАВОЕВАТЕЛЬ

ГРЕЧЕСКИЕ ВОЙНЫ

ВРАТА АФИН

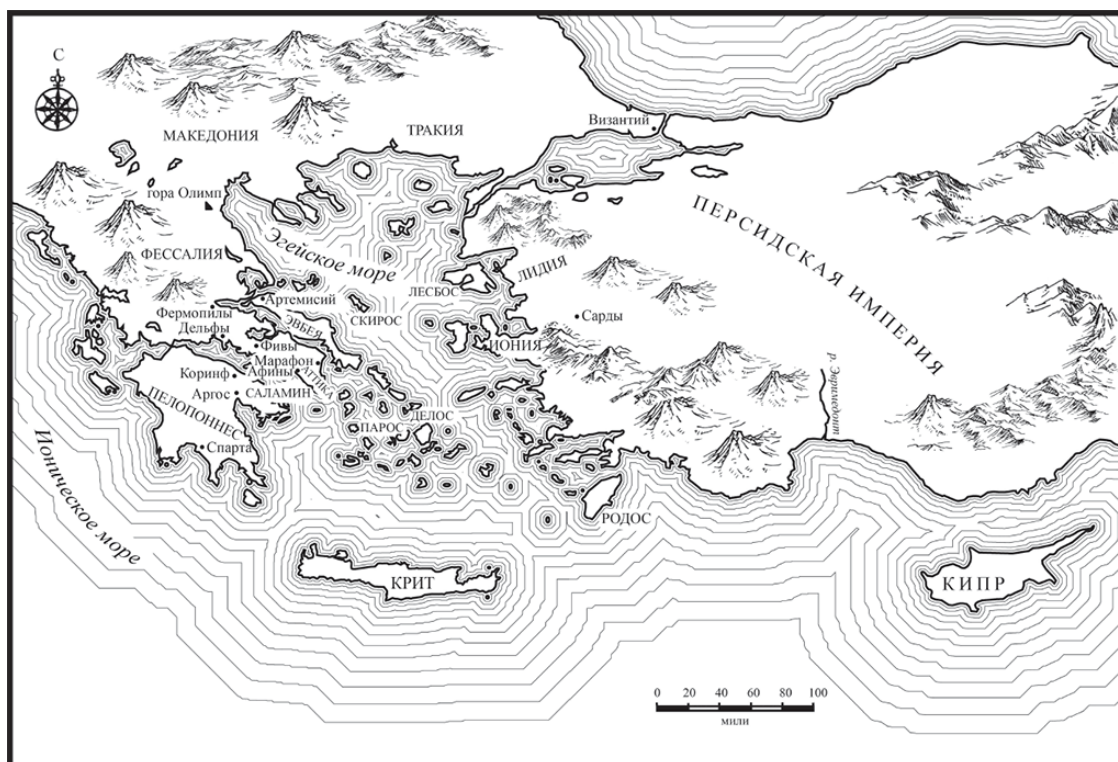
◇

ЗАЩИТНИК

ЗОЛОТОЙ ВЕК

ЛЕВ

Пролог

Павсаний медленно и глубоко вздохнул, чувствуя, как внутри разливается спокойствие. Обменявшись взглядом с прорицателем, он поднялся с колен и зашагал через пустой зал, впервые за долгое время без сопровождающих. Вечер выдался жаркий, но в царском дворце Спарты сохранилась приятная прохлада. Тишину нарушал только звон доспехов.

Целым и невредимым Павсаний вернулся благодаря, в первую очередь, богам-покровителям – Аресу и Аполлону. Он не пострадал физически, война не сделала его уродом или калек; лихорадка не лишила рассудка. В самом расцвете молодости он уже оправился от тягот и лишений военной службы. Конечно, победа смягчает боли и помогает легче перенести голод. Изнеможение – удел проигравшего великую битву. Победители же нередко обнаруживают, что могут пить и плясать за двоих.

Хорошо, что он успел искупаться перед вызовом во дворец. Волосы еще не высохли, и жара его не утомила. В Спарту Павсаний вернулся недавно; илоты еще чистили его плащ, когда прибыл гонец. Засохшую кровь и пыль, а также оставленные потом соляные разводы счистили щеткой и смыли, и этого было пока достаточно. Отправляясь во дворец, он перекинул плащ через плечо и скрепил железной застежкой.

Впервые погрузившись дома в холодную воду, Павсаний увидел, как от него отходит слой маслянистой грязи. Он и теперь еще надеялся, что это было хорошее предзнаменование. Тогда же, оторвав взгляд от странных узоров и подняв голову, он вдруг увидел красные глаза илотов, их дрожащие руки. Теперь Павсаний понимал их лучше, чем прежде. Они горевали. Он мог бы прогнать их – как-никак они нарушили ход его мыслей, – но не стал. Илоты тоже сражались с персами при Платеях, и потери исчислялись тысячами. Их как будто охватило безумие, и Павсаний до сих пор считал афинян виновными в этом безумии. Он сам предупреждал Аристиду не позволять рабам думать, будто они мужчины!

Шагая по центральному проходу, Павсаний размышлял, что в этом году устраивать криптию не стоит. В обычное время, когда илотов становилось слишком много, молодые спартанцы охотились на них на улицах и холмах, соревнуясь в ремесле убийства. Там, в пруду, ему показалось, что в их глазах появилось что-то новое, тревожащее. Они смотрели на него так, как дикие собаки могли бы смотреть на раненого оленя.

Павсаний покачал головой. Возможно, он все-таки прикажет провести криптию. Будь проклят Аристид! Илотов слишком много, чтобы отпускать их на свободу. Спарта выбрала свой путь – по лезвию ножа, под постоянной угрозой, вынуждавшей ее оставаться сильной. Павсаний мысленно одернул себя. Никакого приказа он уже не отдаст. Его власть закончилась в тот момент, когда он ступил на землю Спарты. Теперь решения такого рода будет принимать тот, кто его вызвал.

Дойдя до конца зала, Павсаний опустился на одно колено, уткнувшись взглядом в полированный каменный пол. Молчание затянулось. Молодой царь явно хотел показать, кому здесь принадлежит власть. Павсаний еще раз напомнил себе об осторожности. Битвы ведут не только на полях сражений.

– Встань, Павсаний, – сказал наконец Плистарх.

До восемнадцатилетия молодому царю оставался еще месяц, но на то, что он – сын Леонида, указывали могучие предплечья, густо покрытые черными волосами. Плистарх отчаянно хотел командовать спартанским войском в Платеях, но эфоры запретили ему это. Они уже потеряли своего военного царя при Фермопилах, и его сын был самым ценным ресурсом, которым располагала Спарта.

Войско возглавил Павсаний, и именно он одержал невероятную, невозможную победу, положив конец великому вторжению и разбив мечты персидских царей. Триумф, однако, не

принес ему благоволения. Подняв голову, он встретился с холодным взглядом царя. В любом случае, что бы его ни ждало, оно случится быстро. Это афиняне – любители разбавить любое дело разговором. Его народ тратил слова с куда большей бережливостью.

– Ты выполнил свой долг, – сказал Плистарх.

Павсаний склонил голову в ответ. Этого было достаточно, и все же больше, чем хотел сказать молодой царь.

Двое эфоров кивнули, выражая поддержку. Но гораздо важнее было то, что трое этого не сделали. Они только наблюдали за человеком, который привел спартиатов и илотов к победе.

– Я представляю имена павших, – сказал Павсаний в наступившей тишине.

Илоты в списке, разумеется, отсутствовали. Посмертное почтение полагалось только спартанским воинам. Милостью Аполлона и Ареса их было не так уж много. Гневная гордость всколыхнулась в груди, и ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы не дать ей выплеснуться. Он был там в тот славный день! Он удерживал своих людей в пыли и хаосе сражения, пока не наступил нужный момент, чтобы поместить их, как золотой камень, на пути персидского потока. Эфоров там не было. И сына Леонида там не было!

Павсаний почти физически ощутил упавшую на плечи тяжесть. Именно в этом и заключалась проблема. Именно поэтому они смотрели на него так, будто хотели вскрыть, словно плод, и исследовать внутренности. Запретив Плистарху покидать Спарту, эфоры тем самым лишили его величайшей победы в истории города-государства. Молодой царь, должно быть, ненавидит их за это. Или же... У него пересохло во рту. Его вызвали сюда одного. Второй, прощатель, оказался здесь случайно, только потому, что был с ним. Дадут ли они кому-нибудь из них уйти живым? Он попытался сглотнуть. Основной жизни в Спарте была пейтархия – полное повиновение. Сыну Леонида пришлось нелегко. Каково ему было смотреть, как войско его отца уходит на войну под командой другого? Однако ж он не обронил ни слова жалобы. Что свидетельствовало в его пользу и говорило о том, каким царем он будет.

– Я решал, что с тобой делать, – сказал Плистарх.

В спину Павсания словно дохнуло холодком. Если молодой царь приказал его убить, то живым отсюда не выйти. Погибнет он от своей руки или от чужой – неважно, теперь все зависит от юнца, который обижен на него, и от эфоров, сожалеющих о сражении, которое спасло их всех.

Чувствуя, что жизнь висит на волоске, Павсаний быстро заговорил:

– Я хотел бы посетить Дельфийского оракула, узнать, что ждет нас впереди.

Расчет был правильный. Даже эфоры Спарты не проигнорировали бы просьбу поговорить с представителем Аполлона. Сидя над парами, поднимающимися из подземного мира, пифийская жрица говорила голосом бога. Сердце Павсания дрогнуло, когда двое эфоров обменялись взглядами.

Плистарх нахмурился и покачал головой:

– Возможно, посетишь, если долг позволит. Я вызвал тебя этим вечером, чтобы передать тебе командование флотом. В этом мы с царем Леотихидом согласны. Ты примешь нашу власть над городами и кораблями. У персов остались крепости. Нельзя позволить им полностью восстановиться или снова набраться сил. Спарта должна быть впереди. Ты должен быть впереди – там, вдали отсюда.

Смысл сказанного был ясен, и Павсания захлестнуло облегчение. Его бросало от гордости к страху и обратно, кровь прилиwała к лицу, и сердце колотилось как бешеное. Царь принял прекрасное решение. Победитель персов удаляется от молодого царя, который теперь фактически управляет вооруженными силами Спарты. Никаких неловких ситуаций уже не возникнет, столкновения удастся избежать, опасность гражданской войны исчезает. Павсаний очень хорошо знал, что люди почитают тех, кто вел их к победе. Прямо сейчас он мог бы бросить

против эфоров всю армию. Они должны бояться его, и он видел страх в их глазах, видел, с какой опаской они за ним наблюдают.

И все же Павсаний подчинился и снова опустился на колени:

– Ты оказываешь мне честь.

Он с облегчением увидел улыбку на лице Плистарха. Вернувшийся с победой командующий, вероятно, его беспокоил.

– Это больше, чем награда за службу. Афины стремятся править на море так же, как мы правим на суше. Они собирались на Делосе, но я не хочу, чтобы они вели за собой наших союзников. Спартанцы – первые среди эллинов, и так будет всегда. Ты отправишься к ним на шести кораблях с полными командами из спартиатов и гребцов-илотов. Твоя власть получена от меня – напости им об этом. И ты поведешь объединенный флот. Понятно?

– Да.

Павсаний почувствовал, как по коже пробежали мурашки и зашевелились волосы. Интересно, как к этому отнесутся афиняне. Он поднялся.

Юный царь взял его за плечи и поцеловал в обе щеки. Павсаний принял это как знак одобрения. Значит, он останется в живых. Его уже била дрожь, и кожа заблестела от пота.

– Твои корабли стоят в порту Аргоса. Возьми с собой тех, кто тебе нужен. Это я оставляю на твое усмотрение.

Павсаний молча поклонился в ответ. Конечно. Молодой царь стремился избавиться от каждого, кто мог бы поддержать Павсания, если бы тот решил вдруг заявить свои права на власть. Он принял невозмутимый вид, привычный для каждого спартиата, и, взяв царя за руку, поднял ее над головой.

– Ты хорошо послужил Спарте, – произнес эфор.

Один из тех, кто не выказал ему поддержки. Однако Павсаний поклонился. В конце концов, эти пятеро стариков говорили от имени богов и царей Спарты.

В обратном направлении по длинному проходу Павсаний шагнул с высоко поднятой головой.

Увидев его и не зная, чего ждать, Тисамен вопросительно поднял брови. Проходя мимо, Павсаний хлопнул его по плечу и позволил себе сдержанную улыбку.

– Идем, мой друг, у нас много дел.

– Так ты доволен? – спросил Тисамен.

Павсаний на мгновение задумался и кивнул:

– Да. Есть хорошая новость. Они дали мне флот!

Часть первая

В удаче великой не думают люди, что могут споткнуться.
Эсхил

1

В темноте триера врезалась в берег со скоростью бегущего человека, с громким шорохом рассекая гальку. За ней тенью последовала вторая. Одна за другой они остановились, наклонившись набок. На третьей кормчие всем весом навалились на сдвоенный руль, направляя триеру к чистой береговой полосе. Внизу, под ними, гребцы – по девяти на каждый бот – взбивали в пену волны. Побережье обследовали заранее, но ночью все три корабля шли без огней. Люди на скамьях не видели вообще ничего. Стоявший на носу гоплит всматривался в темноту, не обращая внимания на летящие в него морские брызги и готовый в любой момент подать сигнал тревоги.

Третий киль зацепил дно. От резкого толчка стоявшие на палубе люди попадали на колени, а один со сдавленным криком свалился за борт, упал на мелководье и в панике метнулся в сторону. Галька поднялась под ним, словно носовая волна, и вынесла на берег. Распластавшись на земле, он с облегчением уставился в звездное небо.

Некоторое время афинский военный корабль продолжал по инерции двигаться вперед, забираясь выше и выше, пока огромный вес не придавил его к земле. Деревянные балки заскрипели, и триера остановилась. Быстрая и живая в привычной стихии, на берегу она превратилась в нечто неуклюжее и мертвое.

Палуба медленно накренилась. Веревки и лестницы развернулись, словно праздничные ленты, и люди посыпались на берег. Гребцы по оба борта торопливо втянули свои драгоценные весла и тоже выбрались на сушу по песку и камням. Берег здесь спускался к морю полого, что и объясняло решение Кимона в пользу этого места. В ином случае им пришлось бы спускаться на воду лодки, брать на буксир оставшиеся на плаву галеры и тащить их на мелководье.

Свои три корабля Кимон направил на берег, как копья. Все афиняне научились грести, меняясь на веслах, как это делала столетия назад команда «Арго». На суше они все, бормоча молитвы богам, брали в руки оружие и щиты. Кимон уже давно обратил внимание на мощные плечи и ноги гребцов, ходивших бесшумно, как кошки, и лазавших ловко, как берберийские обезьяны. По его настоянию гоплиты целыми днями сидели на веслах, набирая физическую силу, а гребцы осваивали навыки владения копьем и щитом. Все гребли и все дрались.

Гоплиты собрались чуть в стороне от темнеющих в ночи громадин. Снаряжение и оружие пешего воина обходилось в небольшое состояние, так что каждый носил на себе немалую часть семейного богатства. На хороший щит уходило трехмесячное жалование, и копили на него целый год. Изготовив по размерам и подогнав основу, щит украшали личным гербом. Поножи тоже требовали немалого мастерства, они крепились к голени с помощью ремней. Примерно столько же стоил гребенчатый шлем. Некоторые гоплиты носили на поясе мечи, но главным оружием всегда считалось длинное копье-дори.

Каждый боевой комплект представлял собой настоящее сокровище. Его помечали именем владельца, берегли, а после битвы приносили домой, чистили и смазывали маслом. Оружие и доспехи павших подбирали и передавали в семью – старшему сыну или вдове, которая могла продать их и жить на вырученные деньги.

Выйдя на освещенный звездами берег, Кимон обнаружил полный порядок – его люди выстроились шеренгами и негромко переговаривались, уже готовые к маршу. Он удовлетво-

ренно кивнул. Пожалуй, лучше всего гоплиты владели копьями, как и подобает людям, обученным боевым приемам с детства. Каждая из этих устрашающих штуковин заканчивалась листовидным железным наконечником. С другого конца копье уравнивалось тяжелым втоком. В руках умелого воина это оружие помогало противостоять коннице и побеждать «бессмертных». Укрытый щитами строй гоплитов щетинился копьями, как шипами. В сражениях на поле Марафона и при Платеях копьядори убедительно доказали, чего стоят. Свою репутацию они подтвердили и в Эйоне, где греки разграбили персидскую крепость.

Перикл наблюдал за Кимоном, стоявшим в стороне от строя, – темная, неподвижная фигура в развевающемся на ветру плаще. Сам Перикл стоял рядом с Аттикосом, гоплитом по меньшей мере вдвое старше, но принадлежавшим к его племени и дему в Афинах. Дрожа от морского бриза, Аттикос напевал под нос, чтобы никто не слышал, как у него стучат зубы. Намного ниже Перикла ростом, он больше напоминал обезьяну, чем человека, и всегда шумно дышал через нос. Сколько ему лет, Аттикос не признавался, но свое дело знал и к отцу Перикла относился с глубоким почтением. Время от времени Перикл задавался вопросом, не приставлен ли этот человек к нему Ксантиппом для обеспечения его безопасности.

– Только время зря теряем, я уже яйца отморозил, – ворчал себе под нос Аттикос. – Слышишь? Это мои шарики падают на гальку. Я б их поискал, если б не было так темно. Придется оставить здесь. Подберу на обратном пути. А тут еще спина горит после прыжка с палубы. Вот так же и в Эйоне было. И теперь только хуже будет...

Аттикос всегда бубнил, когда нервничал. Если его просили заткнуться, он умолкал на какое-то время, но потом начинал заново, сам того не замечая, как ребенок, говорящий во сне.

Перикл покачал головой и предпочел промолчать. Он был готов выступить вместе с остальными, когда Кимон отдаст приказ. Ему нравилось ощущать тяжесть щита и копья, и он знал, что не уклонится от боя, хотя мочевого пузыря грозил опорожниться прямо на ногу. Пока не поступит команда двигаться, придется терпеть и тошноту, и спазмы в животе. Бесконечные жалобы Аттикоса на физические недомогания делу никак не помогали. Он сражался и при Марафоне, и при Платеях и собрал немалую коллекцию шрамов, продемонстрировать которую с готовностью соглашался за один бронзовый обол.

По телу пробежала дрожь, и волоски на голых руках и ногах встали дыбом, как крылышки насекомого. Перикл сказал себе, что все дело в сырости и ветерке с моря. На самом же деле он просто вспомнил, что носит доспехи брата. Арифрон погиб у него на глазах, на похожем берегу этого самого моря. Перикл пытался прижать рану брата, но пальцы соскальзывали с бледнеющих краев. Вытекшая кровь забрала у Арифрона жизнь.

Аттикос продолжал бормотать что-то невнятное, и Перикл крепче сжал копье. Ладони стали влажными – должно быть, от брызг или от пота. Это ведь не смерть брата слепила их, нет. Такого не может быть. Но смотреть на пальцы Перикл не стал.

Они же готовились к этому, напомнил он себе. Так решило Афинское собрание – найти и уничтожить все персидские крепости и гарнизоны в Эгейском море. Флот выходил и тройками, и дюжинами, охота не прекращалась, и покоя враг не знал. Персия закончилась у моря. У персов больше не было там опорных пунктов – ни на островах, ни даже на побережье Фракии.

Кимон, получивший звание стратега при Саламине, собрал под своим именем около шестисот человек. Девяносто из них были опытными гоплитами, остальные прошли хорошее обучение. Месяцем ранее они высадились на той части фракийского побережья, которую персы удерживали в течение столетия. Кимон выбрал это место как цитадель и символ персидского влияния. Город окружали стены, а рядом протекала река. Перикл помнил, как Кимон вглядывался в даль, оценивая местность вокруг крепости.

Правитель города сдаться, конечно, отказался. В ответ афиняне убили посланных им гонцов, а затем перекрыли все дороги, ведущие в обнесенную стеной крепость. О своем плане

Кимон рассказал им той же ночью. Перикл помнил, как стратег смотрел на него, пристально и испытующе, словно решая, чего он стоит.

– Ахиллес знал это, – сказал Кимон, – когда стоял перед Троей. Человек должен бежать навстречу смерти, а не просто принимать ее. Он должен найти смерть, стряхнуть кровь со своей бороды ей в лицо и рассмеяться! Только так воин может добыть ту славу, которая отличает нас от моряка, земледельца или горшечника. Только тогда мы сможем заслужить настоящую славу – клеос, где встречаются люди и боги.

Перикл сглотнул. Он хотел, чтобы Кимон знал, что ему можно доверять, на него можно положиться. Ему исполнилось девятнадцать. Он мог бежать весь день, а потом пить, драться или заниматься любовью всю ночь. Перикл поймал себя на том, что ухмыляется. Было бы неплохо. Он уже целый месяц не видел женщину, но оставался воином – и сыном великого героя. Афинянином. Он был создан для этого. Но действительность угрожала лишить его мужества. Она представлялась каким-то ужасным сном, настолько реальным, что Перикл чувствовал, как песок хрустит под подошвами сандалий.

Он не обрел в персидской крепости ожидаемой славы, того самого клеоса. Греки расположились вокруг города с расчетом на длительную осаду, ожидая, когда голод измотает жителей и подорвет их волю к сопротивлению. Неделя тянулась за неделей в сопровождении скуки. Каждый день они тренировались в бою на мечах. Кимон успел поговорить со всеми плотниками и корабельщиками, разведывая местность вокруг крепости. Задача войны обернулась чем-то другим, и каждую ночь он подкрадывался к стенам, чтобы осмотреть их. Перикл вздрогнул, вспомнив тот ужас, который овладел им во время одной такой вылазки.

Возводя крепостные стены, персы использовали плохой строительный раствор. Работая три дня и три ночи, люди Кимона запрудили реку, направив ее в новое русло. Уже через несколько часов вода подмыла основание, и целый участок стены обрушился, словно песочный вал.

Перикл ликовал вместе со всеми и тоже мчался вперед, навстречу врагу. Но то, что они обнаружили, заставило их умолкнуть. Персы предпочли умереть, но не попасть в плен. В самой крепости Эйон их командующий в последние мгновения убил свою семью, а затем приставил нож к собственному горлу.

Перикл сглотнул, вспомнив, как брызнула на мрамор кровь и какой яркой она казалась. После этого он уже не хватался в гневе за меч.

Они нашли сокровища в Эйоне, и это тоже было победой – выковырнуть драгоценный камень из рукояти ножа. Персия лишилась безопасного убежища и уже не могла доминировать на окружающих землях.

И все же Перикл не чувствовал, что проявил себя. Он все еще боялся, что внутри его таится какая-то слабость, похожая на трещину в щите.

Ни Кимон, ни Атикос, казалось, не нервничали так, как он. Он сжал кулаки, говоря себе, что выбор сделан. Галька сдвинулась под ногами, и он перенес вес с одной ноги на другую, меняя позу. Он пойдет вместе с остальными и, если потребуется, умрет. Все просто. Он сможет пожертвовать своей жизнью ради клеоса и во имя отца. Сыновья Ксантиппа не могут опозорить семью.

Он ощутил нахлынувшее волной облегчение. Он может умереть, но что такое на самом деле смерть? Ничто. На берегу Саламина он нашел безжизненное тело собаки отца. Глаза у нее были белые, окрашенные то ли луной, то ли морской солью. То же случается и с людьми. Когда боги забирают принадлежащее им, оставшееся – это просто плоть.

2

Перикл поднимался по дюнам размашистым шагом, и тишину ночи нарушало только надрывное дыхание товарищей и глухое звяканье металла. Поначалу идти было легко – лишь кое-где попадались камни и низкорослые кустарники. Некоторые воины натыкались на заросли шалфея и колючие кусты, уходящие вдаль. По сравнению с ними Перикл, казалось, едва касался земли, как будто корни не могли его зацепить. Снова и снова он говорил себе, что не может и не должен никого подвести. Его отец сражался при Марафоне и победил. Репутация остается с человеком, как шрам, и Перикл был исполнен решимости скорее умереть, чем навлечь на себя презрение. В этом никаких сомнений быть не могло. Пусть мать и назвала его «Знаменитым», но слава бывает разная. Чего бы он точно не хотел, так это жить с клеймом позора. Карабкаясь в темноте по невидимому склону, Перикл в очередной раз напомнил себе об этом.

За спиной у него, нарушив приказ Кимона соблюдать тишину, негромко выругался Аттикос. Никто из них толком не знал, чего ожидать на Скиросе. Остров издавна считался местом опасным и даже проклятым. Рыбаки не бросали здесь сети, хотя прибрежные воды изобиловали анчоусами и кальмарами. Ходили слухи и о людях, одиночках – возможно, пастухах или дезертирах, – их как будто бы видели с проходивших мимо судов. Рассказывали о сожженных дотла торговых кораблях, о разорительных набегах, после которых на месте деревень оставались пепелища, об уведённых в неволю женщинах. Дурная слава защищала остров. Его предпочитали обходить стороной, не рисковать, чтобы не подвергнуться внезапному нападению пиратов, которые выскакивали из ниоткуда на небольших лодках, брали торговцев на абордаж, а потом сжигали корабли.

Воры, пираты и убийцы обосновались на Скиросе, сделав его своим убежищем. И все же не из-за них Кимон привел сюда людей. Не то чтобы он отказался очистить остров, если представится случай. Перикл видел в нем рвение, желание использовать данную ему силу. Кимона не устраивала жизнь со спокойным исполнением обязанностей. Он был из тех, кто жаждет славы, а как ее получить – не важно. Перикл остро, почти как боль, ощущал оказанную ему честь – быть среди избранных. Он не подведет. Кимон еще поймет, что может положиться на него, как на добрый клинок.

Три шеренги гоплитов перевалили через вершину первого холма и начали спускаться с другой стороны. Позади них медленно исчезало усыпанное звездными бликами море. С гоплитами шли двести гребцов, вторая половина осталась охранять корабли. Кимон не хотел рисковать и никогда не полагался на волю случая. Как и Перикл, он относился к своим обязанностям с полной серьезностью.

Холмы, снова холмы, очень мало пресной воды и разбегающиеся во все стороны зайцы – таким был Скирос. Никто по доброй воле не выбрал бы этот пустынный остров местом жительства – разве что тот, для кого остальной мир был по какой-то причине закрыт. Или, может быть, кого-то привлекала сюда возможность жить без всяких законов. Отец как-то сказал, что некоторые люди слишком слабы, чтобы держаться в рамках дозволенного. Перикл покачал головой. Раньше он думал, что Ксантипп знает все, что должно знать мужчине. Оказалось, это не так.

Вытянув шею и глядя по сторонам, Перикл долго всматривался в темноту, но никаких признаков жилищ или их обитателей не обнаружил. Он уже перекладывал копье из одной руки в другую, когда кто-то дернул его сзади, и Аттикос довольно громко указал, куда именно надо смотреть, а потом еще и пригрозил сунуть копье кое-куда потемнее.

Помня приказ хранить молчание, Перикл только сжал зубы. Конечно, передвижение сотен людей в темноте не могло происходить бесшумно, но усугублять ситуацию пустой болтовней не следовало.

Была глубокая ночь, узкий ломтик луны опускался за горизонт, и до рассвета оставалось несколько часов. Морские падальщики устроились где-то на ночь, и сам остров в темноте казался намного больше, чем при свете дня. Терять время Кимон не мог – с восходом солнца преимущество внезапности будет утрачено. Пару воинов помоложе выслали вперед без доспехов и оружия, чтобы им ничто не мешало.словно длинноногие зайцы, они исчезли в подлеске, шурша фенхелем и шалфеем. Поднявшись на другой холм и уже потя, несмотря на ночной холод, Перикл ждал их возвращения.

Откуда-то издалека долетел звук, похожий на ржание, и тревожный вскрик. Есть ли на острове пони? Даже разбойникам и дикарям трудно обойтись без лошадей или хотя бы диких ослов, насильно поставленных в упряжку. В Афинах оставшихся лошадей можно было сосчитать по пальцам, большую их часть съели изголодавшиеся персидские солдаты. Если бы на Скиросе было приличное племенное стадо... Он отложил эту мысль на потом.

В глубокой тени долины Перикл не видел даже лиц ближайших к нему гоплитов. Аттикос шел рядом, и некоторое время они карабкались вместе, чувствуя близость друг друга, ступая со всей возможной осторожностью и цепляясь за камни и кусты по мере того, как подъем становился круче. И один, и другой сдвинули шлемы повыше. Аттикос держал щит в левой руке и, взбираясь наверх, опирался на него, как на некую бронированную конечность. У Перикла щит лежал на плечах, что давало ему чувство защищенности с тыла и неуязвимости.

Чем выше, тем труднее становился подъем. Грунт рассыпался под ногами, и мелкие камешки летели вниз по склону. При дневном свете греки выбрали бы наилучший маршрут, но ночью не оставалось ничего другого, как только держаться по возможности вместе.

К тому времени, как они добрались до вершины и подъем сменился широким, плоским гребнем, Перикл уже тяжело отдувался, хотя и старался, чтобы получалось не слишком шумно. Он также с раздражением заметил, что Аттикос дышит куда спокойнее. Казалось, физические усилия ничего ему не стоят, он готов маршировать дальше и карабкаться еще выше. Впрочем, возможно, ему было так же нелегко, но только он этого не показывал. В любом случае Перикл старался не отставать от него, хотя пот и падал со лба крупными каплями.

Ни скал, ни утесов пока не встретилось – только пологие холмы, с которых разбегались ящерицы и разлетались птицы, встревоженные приближением гоплитов.

Передняя шеренга резко остановилась, когда в темноте, внезапно ожив, дрогнула тень. Некоторые даже опустили копья, до них донесся безошибочно узнаваемый стук копыт. Какая-то сонная лошадь бросилась вниз по склону с возмущенным ржанием. Звук разнесся далеко, и Перикл огорченно покачал головой. Конское ржание, как и собачий лай, наверняка могло предупредить обитателей острова о присутствии чужаков.

Примерно на середине спуска тени, которые Перикл едва мог разглядеть, внезапно растворились, и он, поняв, что они скрывали, опустился на колено. Остальные, включая Аттикоса, гоплитов и гребцов, тоже остановились. Теперь все смотрели на лежащую внизу долину, гораздо более широкую, чем те, что встречались им раньше. Огней внизу не было, но Периклу показалось, что он различает очертания домов и даже более светлую полосу какой-то дороги, на которую падал лунный свет. Отсюда, издалека, место походило больше на поселок, чем на суровый лагерь убийц и изгнанников.

За спиной у Перикла вполголоса переговаривались гоплиты. Слава богам, он не ошибся. Остановка по ложной тревоге была бы унижительной оплошностью. Где-то едва слышно журчала вода. Ручей или какой-нибудь древний источник? Если люди поселились в этом месте, значит на то была причина. Он медленно повернул голову и прошелся взглядом по перевернутым чашам ближайших холмов. Возможно, они-то и скрывали дым костров от проходящих мимо острова судов. Или же люди здесь жили, не разводя большого огня. Кто знает...

Справа, пройдя мимо трех шеренг из тридцати гоплитов, из темноты выступил Кимон. В общем строю люди держались соответственно принадлежности к корабельным экипажам,

хотя и находились под командой одного человека. Кимон относился ко всем одинаково и не отдавал предпочтения ни одному конкретному кораблю, хорошо зная, сколь ревнивыми могут быть мужчины. И спать он мог улечься на открытой палубе любой триеры.

Перикл смотрел на него с благоговением. В то время, когда он сам сидел со своей эвакуированной семьей на острове Саламин, Кимон уже командовал эскадрами, брал на абордаж и сжигал персидские корабли. То, что он видел, что испытал, осталось в его глазах и голосе. Вот он, несомненно, познал клеос. В его присутствии Перикл всегда помнил, что ему еще предстоит заслужить славу.

Кимон остановился рядом с ним. Стратег носил шлем, поножи и нагрудник поверх толстой льняной туники. Щит он нес так, будто тот ничего не весил. Гребень на его шлеме был черно-белый, но в общем он выглядел как любой из них. Тем не менее Перикл узнал его.

– Что ты видишь? – тихо спросил Кимон, вглядываясь в ночь.

Перикл моргнул, поняв, что его глаза лучше, чем у человека, которого он почитал.

– Там, внизу, дома. Может, сотня, может, чуть больше. Есть дорожка и перекресток, есть что-то вроде ручья... проточная вода.

– Я слышу, – ответил Кимон и покачал головой, будто недовольный собой.

В светлое время никаких проблем со зрением у него не было. Но Перикл знал, что некоторые люди видят ночью лучше, чем другие. Так или иначе, его способность оказалась кстати, и он даже почувствовал, как раздувается от гордости.

– Значит, мы нашли их, – пробормотал Кимон.

Перикл кивнул и тихо сказал:

– Я не вижу никакого движения.

Кимон провел тыльной стороной ладони по щетинистому подбородку.

Момент был решающий – и для гоплитов, и для падальщиков Скироса.

– Думаю, мы не можем оставить все как есть. Они знают этот остров лучше, чем мы. Не хочу, чтобы они взяли за оружие и напали на нас завтра, когда мы будем искать гробницу.

Кимон разговаривал с ним, спрашивал совета. Конечно, он мог не последовать ему, но Перикл был рад, что его включили в разговор, и воспользовался возможностью высказать свое мнение.

– Мы в долгу перед городами и островами, которые они разоряют. Нельзя оставить их в живых.

Шлем повернулся к Периклу, и после короткой, заполненной тишиной и неподвижностью паузы Кимон хлопнул его по плечу:

– Согласен. Войдем осторожно. Даже крысы кусаются, когда им грозит опасность. Ты командуешь левым крылом. Возьми три шеренги по пятнадцать человек и... половину гребцов. Не позволяй им своевольничать. Кого бы мы ни нашли внизу, если пройдем без единой раны, я буду доволен. Отнесись к противнику с тем же вниманием, какое проявил бы в полевом сражении. Щиты держать высоко и теснее. Если есть возможность, атаковать копьем. Обнажил меч – бей щитом, оттолкни противника назад.

Самое обычное наставление, какое мог бы дать новобранцам любой стратег. Но Перикл был благодарен. Он медленно поднялся, выпрямился под звездами и на мгновение почувствовал дурноту. До него вдруг с полной ясностью дошло, что ему предстоит драться насмерть, и еще неизвестно, кто выживет. Когда мыслей не остается, правильно делать самое простое. Вот к чему они так упорно, так усердно, до седьмого пота, готовились. Убийство – трудная и жестокая работа. Лишь немногим она дается легко, и эти немногие становятся либо героями, либо теми, на кого охотятся, как на львов.

– Я тебя не подведу, – сказал Перикл.

– И я тоже, стратег, – пробурчал у него за спиной Аттикос, испортив своим вмешательством мгновение гордости.

Перикл закатил глаза, но Кимон уже отвернулся и исчез в темноте, торопясь вернуться на место.

– Передайте дальше, – сказал Перикл через плечо стоявшим позади. – Выступаем как левое крыло. Идем быстро и тихо.

Он прочистил горло, вспомнив, как отец обращался к воинам старше и опытнее его. Суровость и твердость – ключ в этом. Только бы они не услышали, как дрожит его голос. Избавиться от этой дрожи у него получалось не всегда.

– Спущу шкуру с любого, кто завопит.

Двое или трое ухмыльнулись в темноте. Нервничают? Или насмеются над командиром, которому вздумалось учить их тому, что они и без него знают?

– И будьте внимательны, вы, петухи драные, – четко и ясно произнес Аттикос. – Или я сам поговорю с вами потом.

Перикл закрыл глаза. Аттикос подрывал его авторитет в самый ответственный момент. Спустить ему это, оставить реплику без ответа было невозможно. Щеки вспыхнули словно от жара, но Кимон уже двинулся вперед, а они еще стояли.

– Ну спасибо тебе, Аттикос, – бросил он с упреком.

– Не за что, куриос, – беззаботно ответил Аттикос. – Со мной не пропадешь, будешь цел и невредим, так что не беспокойся.

3

Собака сначала гавкнула – раз, другой, – а потом, словно сорвавшись, неистово завyla. Перикл уже достиг дна долины, когда из тени между строениями вырвалось размытое пятно со скребущими землю лапами. Один из гоплитов выругался, когда оно метнулось к нему, больше опасаясь клыков, чем возможного врага. Вой резко оборвался – кто-то ткнул пса копьём, – раздался визг, и Перикл поморщился. Шум разнесся, должно быть, по всему острову.

– Держать строй! – рыкнул он. – Ровный шаг.

Они все знали свое дело лучше его, но, по крайней мере, он не дал им повода усомниться в нем. Перикл слышал скрежет: щиты смыкались и накладывались один на другой, наподобие чешуи. Теперь отряд продвигался вперед плотным боевым строем. Времени, чтобы достичь лачуг воров и пиратов, такому строю требовалось больше, зато теперь не грозила засада. Отец всегда говорил, что бой – дело опасное и преступно усложнять ситуацию беспечностью.

Вой первой собаки подхватили другие, и еще одну пришлось зарубить, когда она вцепилась зубами в край щита. Никаких признаков охраны поселка не обнаружилось, как ни всматривался Перикл в темноту, пытаясь разглядеть хоть что-то. Дома оставались темными. Неужели отсюда все ушли? Собаки вполне могли быть частью дикой своры. Хорошая была бы шутка, если бы после всех принятых мер предосторожности обнаружилось, что это место давно заброшено.

Он приказал остановиться. Кимона видно не было, но он все еще доверял Периклу и полагался на него. Перикл не мог контролировать большую часть своей жизни, но в эту ночь эти люди находились под его командой, и он не мог допустить ошибку, не мог подвести их.

– Вперед по трое, – приказал он. – Опустить копьё – в помещении они бесполезны. Взять мечи. Быстро! По моему приказу. Проверить каждое помещение. Не забывать о бдительности. Здесь что-то не так. Они...

Он не договорил и резко обернулся на вскрик. Голос был женский. Или детский. Крик перекрыл все прочие шумы, и Перикл попытался определить направление. Оттуда, почти наверняка. Он протянул руку, указывая на темное строение неподалеку, и повернулся к ближайшей паре гоплитов.

– Вы двое. Пойдете с Аттикосом. Найдите того, кто кричал, и приведите ко мне. Остальные – чего ждете? По трое – и вперед.

Прикажи он идти четверками или шестерками, гоплиты перестроились бы так же быстро. Все знали свои группы, каждый знал свой маневр, и они могли перестроиться двенадцатью различными способами даже в ходе сражения. Командиры подразделений – лохаги – и стратеги могли по своему усмотрению корректировать направление атаки и распределение сил. Только полная фаланга действовала единым строем, наступая, давя противника.

Глядя, как выбивают первые двери, Перикл поймал себя на том, что ухмыляется – скорее нервно, чем от возбуждения. В его воображении эта сцена превратилась в нечто грандиозное. Афинские гоплиты в шлемах и доспехах уподобились Ахиллесу, возродившемуся в маленьком доме, – непобедимому, быстрому, несущему смерть. Падальщики, если бы их обнаружили в домах, наверняка были бы убиты на месте. Тем не менее что-то не давало покоя, заставляя сердце глухо ухать и трепетать в груди. Они знали это место. Здесь был их дом. Неужели что-то упущено?

Справа от него раздался пронзительный крик. Перикл повернулся, прислушиваясь, пытаясь понять. Гребцы все еще стояли у него за спиной и не спешили входить – он это чувствовал. Большинство людей, не имея ясно выраженного приказа действовать, предпочитали стоять, если в качестве альтернативы им предлагалось войти в темный дом, не имея ни малейшего представления о том, кто может ждать их за дверью. Не узнав, что там, и не наравшись на

засаду, он не мог послать гребцов вслед за гоплитами. Между тем сорок пять гоплитов продвигались по улице, проверяя жилища, а издали, справа, доносились крики и глухие удары металла по дереву – там Кимон вел второе крыло. Если кто-то и оказался между двумя флангами, поделаться он ничего не мог. И все же Перикла не оставляло чувство, что здесь что-то не так. Надо бы посмотреть, проверить, но если зажечь лампу, враги слетятся на свет, как мухи на огонек.

– Еще раз укусишь – прибую.

Перикл услышал Аттикоса еще до того, как увидел. Два гоплита тащили женщину, а она вырывалась из их рук. Предупреждению селянка, должно быть, не вняла, потому что Аттикос зашипел от боли. Гоплит вскинул руку для удара, но Перикл успел схватить его за запястье.

– Нам нужно допросить ее.

Аттикос высвободил руку и пробормотал что-то, из-за чего женщина пнула его. Он отпрянул, чертыхаясь и смеясь.

Гоплит держал пленницу за длинные волосы, намотав их на кулак. Перикл жестом приказал отпустить ее. Солдат сделал это с большой осторожностью и торопливо отступил в сторону, словно опасаясь подвергнуться нападению. Перикла ее ярость восхитила, хотя сейчас она была беспомощна, как кошка, и подвергалась большой опасности. Достаточно одного его слова, чтобы ей перерезали горло. Судя по злым взглядам, которые бросал на нее Аттикос, он сделал бы это и без приказа.

– Сколько мужчин здесь живет? – спросил Перикл.

Женщина не ответила, но огляделась, похоже прикидывая, как бы ей вырваться из плена. Поняв, что трое воинов заблокировали все возможные пути бегства, она заметно поникла.

– Ты говоришь по-гречески? – задал вопрос Перикл. – Ты не нужна мне, если будешь молчать.

– Я из Фив, – сказала она. – А ты? Говоришь как афинянин.

– Хорошо, – с облегчением кивнул он. – Если тебя держат в плену, можешь сказать, сколько здесь мужчин? Поможешь нам – заберем с собой и отвезем в Афины.

– С чего бы мне тебе помогать? – Она повысила голос до обращенного в темноту крика. – Если у моего мужа есть хоть капля здравого смысла, он останется...

Аттикос шагнул вперед и ударил женщину по лицу с такой силой, что она свалилась на землю.

– Тебя никто не просил кричать, милая, – сказал он, стоя над ней.

Перикл сжал кулаки от злости. Да, он не запрещал бить ее, но полагал, что это понятно и без слов. Выходка Аттикоса напоминала неповиновение.

Посланные вперед гоплиты уже возвращались, ведя с собой женщин и детей, те плакали и причитали. Все происходящее производило какое-то странное впечатление. Обеспокоенный, Перикл покачал головой и посмотрел на пленницу. При падении ее распущенные волосы разметались по земле, и он заметил, как под ними шевельнулось что-то бледное. Ее рука потянулась к поясу... В следующий момент женщина вскочила на крепких ногах и бросилась на Аттикоса, который взвыл от боли. Его ответный удар наотмашь пришелся ей в голову, и она упала без чувств.

Аттикос вырвал из бедра ее нож и замахнулся:

– Вот дрянь!

Но Перикл встал между ним и женщиной:

– Спрашиваю здесь я. Отойди и положи нож.

Аттикос шумно засопел, скорее от гнева, чем от боли. Перикл, чувствуя, что гоплит готов ослушаться, пристально и твердо посмотрел на него. Он знал, что в случае открытого неподчинения ему придется убить Аттикоса, и был готов это сделать. Перикл не сомневался в себе, и Аттикос каким-то образом ощутил эту уверенность и, опустив голову, отступил в сторону.

Тем не менее Перикл продолжал наблюдать за ним – на всякий случай. Сражаясь с братом, он время от времени попадался на какой-нибудь трюк. Мысль об Арифроне отозвалась новой болью. Даже лежа в холодной могиле, брат все еще преподавал ему уроки.

– И вот что, Аттикос, найди и приведи мне еще кого-нибудь живого.

Аттикос развернулся и исчез в темноте, даже не дослушав до конца и оставив Перикла с сотней гребцов, ожидающих приказа у него за спиной. Бесчувственная пленница лежала на земле, а толпа женщин и детей уже собралась на дороге под присмотром гоплитов.

– Свяжи ей руки, – приказал Перикл гребцу рядом с собой. – Она гречанка, хотя и из Фив. Будь с ней мягок. Она одна из наших, и, возможно, с ней жестоко здесь обошлись.

Проявив благородство, он остался доволен собой и даже пропустил мимо ушей чью-то грубую реплику. Будешь отзывать на каждое слово, никогда ничего сделать не успеешь.

– Где ваши мужчины? – обратился он к толпе.

Женщины запричитали, а стоявший позади гребец отпустил по их адресу нелестный комментарий. Перикл вспыхнул от негодования, но подавил раздражение. В гоплитах он видел порядочных людей, готовых сражаться за свой город, а потом решать общие вопросы и быть, например, судьями. Честные, благородные, они были частью афинской мечты. Гребцы казались людьми иного склада. Он сжал кулак. Что ж, он либо приструнит их, либо приставит железное лезвие к горлу каждого. Пока он командует ими, никому не будет дозволено обижать этих женщин.

– Вы здесь не одни. Где ваши мужчины?

Перикл понял, что чувствует их запах, запах трав и немытой плоти. Скоро рассвет. В свете дня их бедность и грязь станут еще яснее. Уже сейчас на востоке небо начало сереть. Их было не больше восьмидесяти, и каждую доставили сюда из какого-то другого места. Изгнанные, как собаки, из городов за какое-то преступление, мужчины, конечно, могли добраться до Скироса сами. Мужчины, но не женщины. Женщин либо похитили и привезли на остров, либо они уже родились здесь.

Некоторые пришли с маленькими детьми и теперь, заплаканные, с совиными глазами, держали их за руки или на руках. Они не представляли опасности, но где же мужчины? Это оставалось загадкой.

– Оставьте нас в покое! – донесся голос из толпы.

Старая карга!

Перикл заколебался. Ему вдруг стало не по себе. Что, если в толпе, среди других, стоит Афина? Обижать женщин рискованно, если между ними богиня.

Он с усилием сглотнул и, зная, что это прозвучало слабо, повторил еще раз:

– Больше спрашивать не буду. Где ваши мужчины?

– Они ушли на охоту, но скоро вернутся, – крикнул кто-то. – Тронете кого-нибудь из нас, и они убьют вас всех!

В ее голосе слышался страх. К Периклу, сильно прихрамывая, подошел Аттикос. Рассвет наконец рассеял тьму, и вся картина предстала яснее.

– Отправились на охоту? Ночью? – проворчал Аттикос. – Что-то не верится. Да тут и охотиться не на кого. Разве что на тех пони...

Он не договорил, а Перикл замер. Как же он не подумал раньше! Мужчины ушли на охоту, но не здесь, на острове. Они вышли в море – в поисках рыбы или какой-то другой добычи.

Перикл поднял голову и, увидев идущего к ним Кимона, подтянулся. Аттикос тоже выпрямился.

– Я никого не нашел, кроме женщин и детей. А ты?

Перикл покачал головой:

– Здесь то же самое. Думаю, мужчины ушли в море и ищут корабли, на которые можно напасть.

– Если так, – кивнул Кимон, – то они могут вернуться только через несколько дней. Сейчас это не важно. Оставь здесь кого-нибудь для охраны... тех, кому можешь доверять.

Последние слова он произнес со странным ударением, и Перикл почувствовал, что краснеет.

– Я могу остаться, куриос, – сказал Аттикос, обращаясь к Кимону, но ответил ему Перикл:

– Нет, ты нужен мне и будешь со мной. Я сам выберу тех, кто останется.

Уже поворачиваясь к Кимону, он ощутил вспышку ярости у себя за спиной.

– Ты собираешься искать гробницу?

От Кимона не ускользнуло странное напряжение между двумя мужчинами. Он вообще замечал почти все, но сейчас, не увидев в поведении и голосе Перикла слабости или нерешительности, не стал заниматься разборками, предоставив юному афинянину самому решать свои проблемы.

После короткой паузы он сдержанно кивнул и ответил:

– Для этого мы и пришли сюда. Не ради оборванцев-пиратов и не ради их женщин. Тесей умер на Скиросе. Если на острове действительно есть могила, она может быть его могилой. И в таком случае я хочу вернуть останки в Афины – для достойного погребения. Он был царем Афин. Именем его отца названо Эгейское море.

Лежавшая на земле женщина зашевелилась и, поняв, что ее связали, попыталась освободиться от пут. Теперь, в утреннем свете, Перикл увидел, что она не намного старше его самого. Ее длинные, похоже, никогда не стриженные волосы свисали до пояса грязными космами. Глаза их встретились, и Перикл испытал странное ощущение. Лицо женщины распухло, и с одной стороны темнел большой, на всю щеку, синяк.

– Парни вернутся домой и убьют вас всех, – сказала она.

Кимон усмехнулся:

– Ты гречанка? Тогда посмотри вокруг. Давай, теперь это уже не тени. Видишь моих гоплитов и гребцов? Думаешь, твои люди справятся с нами? Вряд ли у них получится. Если они хоть что-то соображают, то будут держаться подальше от острова, пока мы не уйдем. На самом деле никто из вас нас не интересуется.

– Они убьют тебя, – снова сказала женщина и плюнула ему под ноги.

Перикл отметил, что даже в гневе она не забыла об осторожности и плюнула так, чтобы слюна не попала на сандалию.

Возмущенный ее дерзостью, Аттикос шагнул вперед, подняв угрожающе руку.

– Назад, Аттикос! – рыкнул Перикл. – Клянусь богами, если ты ударишь эту женщину еще раз, я на неделю привяжу тебя к носу галеры.

– Куриос, она...

– Ни слова! – оборвал его Перикл и повернулся к женщине, как будто вопрос был решен и не подлежал дальнейшему обсуждению.

Аттикос сдержался, и уголки ее рта дрогнули, хотя она и попыталась скрыть усмешку под завесой волос.

– Чего ты хочешь? – спросила она Кимона, и в ее голосе проскользнула нотка любопытства.

– Сначала скажи мне свое имя.

– Фетида, – пожала она плечами.

– Как мать Ахиллеса?

Она кивнула, и Кимон улыбнулся:

– Это старое имя – имя силы. Что ж, Фетида, мы ищем гробницу... возможно, храм. Старый, заброшенный и, вероятно, заросший. Где-то на острове. Мой отец сказал, что слышал об этом.

Он подождал, видя, что она задумалась. Глаза ее блеснули, когда он заговорил о гробнице, и Кимон затаил дыхание. От волнения у него перехватило горло.

– Ты видела что-то похожее?

– Может быть, – снова пожала она плечами. – На северной стороне, там, на высоких холмах, есть старая могила. Дети, бывает, играют возле нее.

– Скажешь, как туда добраться? Мы за этим и пришли. Остальное нас не интересует.

Голос его смягчился, как будто Кимон успокаивал дикого оленя. Женщина смотрела на него, словно не могла отвести глаз, и Перикл, к своему удивлению, ощутил укол ревности. Это же он спас ее от Аттикоса! Он свободен, в отличие от Кимона, у которого в Афинах молодая жена, уже беременная первым ребенком. Но темные глаза женщины видели только его друга.

– Я могу показать ее тебе, – сказала она.

4

С восходом солнца молодая женщина повела афинян на другую сторону долины. Вести ее Кимон поручил все еще хромающему Аттикосу. Тот от злости сильно ущипнул проводницу за руку. Перикл заметил у нее на коже бледные следы пальцев, но решил ничего не говорить, пока оставался шанс, что Фетида может убежать, оставив их вдалеке от остальных. Аттикос, похоже, все еще страдал от раны на ноге, хотя и перевязал ее. По пути через долину он донимал Фетиду угрозами и обещаниями расправы, вынуждая ее держаться от него по возможности дальше.

Путь лежал через густой подлесок и рощи оливковых деревьев, таких же древних, как сам остров. Дважды на глаза им попадались низкорослые жилистые пони, разбегавшиеся при виде вооруженных людей. Прогулка была бы даже приятной, не будь столь серьезной ее цель. Поглядывая на солнце, они старались не отставать.

Возможность увидеть гробницу Тесея так захватила Кимона, что он отправился в путь, оставив большую часть войска. Думая об этом, Перикл прикусил губу. Кимон был старше его на десяток лет, что не помешало ему совершить ошибку, более свойственную юнцу. С собой они взяли только шестерых гоплитов, остальные ждали в долине или вернулись охранять корабли.

Ведя отряд по козьей тропке, тянувшейся по земле едва заметной нитью, Фетида добралась до гребня и, сбалансировав на крутом склоне свободной рукой, без колебаний двинулась дальше. Аттикос поспешил за женщиной, но раненая нога подвернулась, и он сердито дернул Фетиду за руку. Она вскрикнула и замахнулась на обидчика, который не в первый уже раз поднял кулак. Перикл, угрюмо наблюдавший эту сцену, не выдержал.

– Аттикос! – рявкнул он, употребив голос как оружие и позабыв, что они находятся на враждебной территории.

Ближайшие холмы повторили окрик сухим, трескучим эхом, и двое гоплитов, следуя за ним, растерянно повернули голову. Остальные на мгновение замерли, как статуи, потом, поняв, что это было, ухмыльнулись. Перикл давно выработал годный для поля боя командный голос.

Аттикос, никак не ожидавший подобного, недоверчиво выругался.

Еще одна ошибка, свойственная молодости, только на этот раз его собственная. Раздражение усилилось, когда Перикл почувствовал, как вспыхнуло лицо. А все из-за Аттикоса, поставившего их обоих в неловкое положение перед Кимоном.

В наступившей тишине, чувствуя на себе взгляды остальных, Перикл шагнул вперед, жестом отстранил Аттикоса и взял Фетиду за руку.

Она внимательно посмотрела на него из-под завесы каштановых волос и, казалось, улыбнулась. Интересно, когда она в последний раз мылась?

– Он больше не обидит тебя, даю слово, – сказал Перикл, намеренно не обращая внимания на Аттикоса, стоявшего всего в паре шагов от него.

В ответ на ее быстрый и беспокойный взгляд Аттикос фыркнул, но, совладав с обидой и злостью, отошел в сторону, оставив Перикла с пленницей.

– Ты не убьешь меня, когда мы доберемся до гробницы? – спросила она.

Он удивленно посмотрел на нее.

– Нет. У меня есть сестра и мать, которые никогда бы меня не простили. Тебе не сделают ничего плохого.

– Твой друг сказал, что я буду у него... как жена... – сказала она и густо покраснела.

Перикл подумал, что и сам, наверное, выглядит таким же смущенным.

– Он мне не друг, так что это... ничего не значит. Нам туда?

Фетида кивнула и начала спускаться по склону. Гоплиты потянулись следом. В какой-то момент, оказавшись между выступающих из земли камней, она заколебалась. Женщине нужны

были обе руки, и Перикл отпустил ее запястье, но остался рядом, готовый броситься за ней, если она побежит.

Будто прочитав его мысли, пленница покачала головой:

– Я покажу вам гробницу. Потом вы уйдете. Он так сказал.

– Если это гробница, нам нужно посмотреть, кто в ней лежит. Кроме этого, нас ничто здесь не интересует. Когда-то, давным-давно, здесь умер великий человек. Скирос важен для нас только поэтому.

Теперь они шли по заросшему папоротником склону. Откуда-то появились странные черные мухи, которых, казалось, привлекала обнаженная кожа. Одна из них укусила Перикла, и он, отмахнувшись, потер кровавое пятно на предплечье.

– Когда мы уйдем, ты останешься здесь, на острове? – спросил он.

Аттикос подтянулся ближе и был теперь всего лишь в нескольких шагах от Перикла. Кимон замыкал шествие, поэтому не слышал, как Аттикос, болтая с гоплитом, предположил, что «молодой куриос попался на ее прелести, как рыба на крючок».

Слышно было прекрасно, но произнесено вполголоса. Перикл поймал себя на том, что невольно сжал кулаки, и усилием воли заставил себя разжать их. В этой ситуации приходилось делать вид, что не слышишь мелких оскорблений, пусть даже нацеленных на то, чтобы уязвить или высмеять. Он уже решил, что разберется со всем потом. Если отец поручил Аттикосу прикрывать его спину, то, может быть, пришло время снять эту защиту и постоять за себя. Цена за нее оказалась слишком велика. Оглянувшись поверх висящего на плече щита, он увидел, что Аттикос наблюдает за ним с кривой усмешкой.

– Ты как там? Все в порядке? – спросил Перикл.

– Да, куриос. В полном порядке и смотрю в оба, – ответил Аттикос с нескрываемой дерзостью.

Он все еще злился из-за того, что на него наорали перед всеми, – в этом сомневаться не приходилось.

Перикл улыбнулся в ответ со всей непринужденностью, какую только получилось изобразить. Он допустил ошибку и уже не мог ее исправить. Следовало ли ему извиниться, прежде чем одергивать наглеца? Интересно, а победил бы он в честном бою? Аттикос обладал удивительной невосприимчивостью к боли, так что перспективы такого поединка просматривались недостаточно ясно. Перикл мог легко представить, как колотит старого похабника, а тот только посмеивается.

Солнце поднялось над холмами; утро медленно тянулось к полудню. Расстояние отряд прошел небольшое, но четко выраженного пути они так и не нашли. В одном месте Перикл попал в болото с черной жижей, претендовавшей на один из его сандалий и пахнувшей, как кремь, когда из него высекаешь искру, или сера. То и дело приходилось перелезать через поваленные деревья, пробираться под сломанными ветками и продираться сквозь колючие кустарники, которые рубили мечами. Время от времени он возвращался к одному и тому же вопросу: не намеренно ли Фетида повела их худшим из возможных путем?

Выйдя наконец на голые скалы, над которыми кружили морские птицы, все испытали благословенное облегчение. Перикл чувствовал себя путешественником-исследователем, впервые в жизни увидевшим море. Воспрянув духом, он огляделся – и хорошее настроение мгновенно испарилось: внизу, вдоль берега, быстрым ходом шли восемь больших, заполненных людьми гребных лодок. Он посмотрел на Фетиду, и она ухмыльнулась в ответ.

– Наши мужчины вернулись. А вы здесь. Когда спуститесь в долину, они уже перебыют всех ваших людей.

– Ты так и задумала? – недоверчиво спросил Перикл.

Ее лицо светилось торжеством. Казалось, она пустится в пляс. Он видел, что женщина ждет смерти и готова ее встретить. Она обрела свой клеос и открыто смеялась над ними.

К ним, отстранив Аттикоса – не оттолкнув, а именно отстранив, причем достаточно уважительно, – подошел Кимон.

– Почему мы остановились...

Он не договорил, увидев внизу лодки. Сверху казалось, что они достаточно близко, но по суше, да еще по пересеченной местности, их разделяло изрядное расстояние. Поняв, что означает шальной взгляд Фетиды, Кимон потер щетинистый подбородок. Перикл видел – она дрожит, ожидая смерти.

– Умная девочка, – сказал Кимон. – Так что, была ли здесь гробница?

Ее взгляд метнулся в сторону, на восток, но уже в следующее мгновение пленница пожалала плечами и покачала головой. Перикл крепко сжал ей руку, и она вздрогнула от боли.

Кимон тоже заметил предательское движение глаз и вытянул руку:

– Там? Или это еще одна твоя уловка?

– Они высаживаются на берег, – сказал Перикл. – Мы не успеем вернуться, даже если выступим сейчас.

Кимон посмотрел на него и кивнул. Перикл с удивлением отметил, что его старший друг спокоен, как тихий ветерок.

– Что ж, тогда можно заняться поисками, – сказал Кимон. – На случай, если наша проводница действительно видела гробницу.

Маленький отряд распался, каждый двинулся в своем направлении. Кимон посмотрел на женщину, которую держал Перикл, и коснулся пальцами рукояти меча. Пленница глубоко вздохнула и замерла, ожидая решения.

– Я позабочусь о ней, куриос, – предложил Аттикос, который никуда не ушел и остался на месте. – В конце концов, она пырнула меня ножом, и я не против потратить на нее немного времени.

– Просто сделай все быстро, – отрезал Кимон.

Он тоже был зол на женщину, которая обманом увела их из деревни, где оставшиеся могли теперь подвергнуться нападению.

Не успев подумать, Перикл выпустил руку пленницы. Она взглянула на него в замешательстве, но уже в следующее мгновение повернулась и помчалась, как олень, по голым камням.

Аттикос, выругавшись, бросился за ней.

В лучшие дни он был побыстрее, подумал Перикл. Старый гоплит напоминал гончую, умеющую идти по следу. Но гончую раненую, что давало пленнице неплохой шанс. Тот шанс, которого она заслужила, но не более. Пара – беглянка и преследователь – скрылась из виду за выступом скалы. Теперь судьба Фетиды была в руках богов.

В стороне один из гоплитов крикнул и поднял руку. Остальные устремились к нему, словно золотистые искры через зеленый утесник. Кимон, уже открывший рот, чтобы высказать упрек или замечание, обернулся.

– Что? Гробница? – крикнул он.

– Сейчас узнаем.

Перикл сорвался с места. Позабыв об усталости, они побежали.

* * *

Выхватив меч, Кимон принялся рубить лозы и корни, опутавшие огромный камень.

– Помогайте, – приказал он.

Воины присоединились к нему, работая клинками и руками, спеша освободить старинную плиту от всего, что сплелось над ней в подобие решетки. Было видно, что камень оставался в запустении долгое время.

Оторвав целый пласт белых щупальцев и отбросив его, словно ковер, Кимон наклонился и ахнул.

– Что? – спросил Перикл.

– Посмотри на этот край. Камень обработан, линии четкие. С чего бы ему быть на высокой скале? Здесь определенно поработали мастера-камнерезы. Клянусь Афиной, мы бы никогда не нашли его, если бы не эта женщина. Его и сейчас трудно заметить. Молотков у нас нет, разбить нечем – если хотим посмотреть, что лежит под камнем, придется его перевернуть.

Перикл оглянулся и посмотрел туда, где в последний раз видел беглянку и ковылявшего за ней Аттикоса. Между тем Кимон уже раскапывал ножом землю, пытаясь добраться до нижнего края плиты.

– Теперь она не твоя забота. Займись делом. Не стесняйся запачкать руки. Давай.

Упрек достиг цели, и Перикл, почувствовав его укол, кивнул, опустился на колени и тоже вынул нож.

Камень был массивный, толщиной с домашнюю надгробную плиту, и уходил в землю на два кулака. Нижний край обнажился, и стало понятно, что поднять камень будет не просто даже общими усилиями. Пока шестеро мужчин разгребали землю, двое стояли на страже. Кимон работал вместе с остальными, молча и сосредоточенно.

Форма плиты проступала все яснее по мере того, как они рубили пленившие ее побеги.

– А теперь все на одну сторону, – внезапно сказал Кимон. – Посмотрим, сможем ли мы его перевернуть.

Встав плечом к плечу, они подсунули пальцы под расчищенный выступ у края и приготовились.

Донесшийся издали звук, похожий на пронзительный крик чайки, заставил Перикла обернуться.

– Ты нужен мне здесь, – сердито прорычал Кимон. – Держи.

Спохватившись, Перикл взялся за камень. Пальцы коснулись нижней стороны плиты, и в тот же миг он испытал странное ощущение, как будто что-то пробежало по коже.

– По моей команде, – сказал Кимон. – Готовы? И... взяли!

Плита поднялась, и мужчины закричали под огромным весом. Камень оказался известняком, древним, как сам мир. Земля под ним, казалось, зашипела, когда неумолимая сила разорвала вековую хватку тысячи корней. Жуки и всевозможные многоножки свернулись при свете дня, которого они никогда не видели. Между тем плита поднималась выше и выше, подчиняясь усилиям людей, а потом вдруг накренилась в другую сторону и рухнула, расколовшись пополам. Глядя на две половины, Перикл ощутил укол сожаления. Дело сделано, назад не повернешь. Две половины в целое не сложишь. Так было с братом, так было со всем, что имело значение, и он не мог отменить случившееся, не мог восстановить сломанное.

Опустившись на корточки, они заглянули в открывшееся под камнем углубление, явно бывшее местом захоронения. В неглубокой, вырубленной в земле могиле покоились останки человека огромного роста. Корни и трава заполнили пространство белыми нитями, что придавало могиле сходство с гнездом. И все же над обвитым корнями черепом был виден бронзовый шлем, а на ребрах и бедренных костях – нагрудник и поножи, темно-зеленые после долгого пребывания под камнем. Щита не было.

– Мой отец говорил, что Тесей погиб на Скиросе, – благоговейно пробормотал Кимон. – Если ему и быть где-то, то именно здесь. Никогда не думал, что мы действительно найдем его могилу. Не верил. Я понимал, что могу ошибаться насчет острова. Считал, что, где бы он ни умер, его могила может быть разграблена, разорена дикими животными, а кости разбросаны. У меня не было ничего, кроме истории о старом царе, убитом предателями. И все же я считал своим долгом искать его могилу. Я просто не мог сказать себе, что надежды нет... потому что надежда была.

Он покачал головой в безмолвном благоговении. Потом, на глазах у Перикла, наклонился, раздвинул паутину, покрывавшую кости и доспехи, и осторожно коснулся пальцами костей.

– Это Тесей, называвший Геракла другом. Это его правая рука сразила Минотавра. Это он обнимал Елену Троянскую. Наш величайший царь Афин! Ну-ка, помогите мне убрать всю эту мерзкую дрянь. Мы заберем останки и отнесем на корабль.

– Ты уверен, что это он? – спросил кто-то.

– Кто еще здесь может быть? На этом забытом богами острове? – не сводя глаз с предмета своего почитания, сказал Кимон. – Этот человек носил доспехи гоплита – вот они, состаренные веками. И посмотрите на эти кости. Если бы он поднялся, то был бы выше любого из нас. Кто еще, кроме Тесея, заслужил такой камень, который мы вместе едва смогли поднять? Даже в старости он оставался великим воином. Тот, кто принес его сюда, хотел сделать так, чтобы он никогда не восстал. Это тоже подтверждает мою правоту.

Рубя корни, срезая густую путаницу желтых нитей, разгребая землю, они справились за короткое время, так что фигура погребенного предстала перед ними в полном виде.

С грязными по локоть руками, Кимон наклонился к останкам. Перикл подумал, что тот поцелует череп павшего царя, но он лишь поднял почерневший наконечник и пальцами соскреб хлопья ржавчины.

– А ну-ка, парни, дайте мне копье, – скомандовал он, протягивая руку.

Гоплиты передали ему копье-дори, и Кимон приложил один наконечник к другому, сравнивая их. Дерево в могиле сгнило, так что от древнего копья остался только обломок крошащегося железа. Тем не менее на нем еще можно было разглядеть сову – символ Афин. Кимон поднял наконечник к свету и повернул так, чтобы его увидели все. Гоплиты с изумлением уставились на древнюю реликвию. Наконечник рассыпался у них на глазах, и бурые чешуйки ржавчины упали Кимону на ладонь.

– Принесите накидку – надо собрать всё, кости и оружие. Тесей долго ждал этого. Ждал нас. Мы вернем его домой.

Его слова были встречены одобрительными возгласами. Случилось чудо, настоящее чудо, и воины встретили его с восторгом. Встревоженные столь громким выражением чувств чайки сорвались с утеса и закружили над скалами. Захваченный общим порывом, Перикл помогал собирать кости и доспехи, с трепетом беря в руки каждый предмет и чувствуя, как колотится сердце.

Только когда все это было сложено и завязано в узел, он бегом вернулся туда, где в последний раз видел Аттикоса, и громко его позвал. Оставлять здесь старого гоплита он не хотел, хотя злость на него еще не остыла.

– Аттикос! Мы уходим! – прокричал Перикл, не обращая внимания на эхо, хотя море и лишило его голос половины обычной силы.

Ответом ему были крики чаек и тот же слабый звук, который он слышал раньше. Не думая об опасности, он ступил на выступ скалы и, прижимаясь к ней спиной, двинулся вперед. Пропасть под ним была так глубока, что посмотреть вниз доставало духа.

Перикл услышал оклик Кимона, но оглядываться не стал. Далеко идти не пришлось. Обогнув колонну серой скалы, он увидел, что выступ перешел в узкий гребень, что-то вроде каменной дорожки, стертой почти до ленточки морскими бурями и временем. Эта ненадежная тропка протянулась над обрывом, уходящим далеко вниз, к торчащим ломаными зубьями камням. Перикл наклонился, посмотрел вниз, и в животе у него словно затянулся узлом канат.

Так и есть.

Аттикос упал неудачно. Нога у него подвернулась и лежала под неестественным углом. Перикл поморщился. Подняться при такой травме, да еще и с раненой другой ногой, у старого

гоплита не оставалось ни малейшего шанса. Фетиды видно не было. Она сумела пройти по каменной тропинке, а вот афинянину не повезло.

– Перикл! Слава богам. Помоги мне! – воззвал Аттикос.

Голос его прозвучал слабо, но в нем явственно слышалось облегчение. Должно быть, он боялся, что помощь уже не придет и он умрет в одиночестве в этом жутком месте.

Перикл смотрел вниз, и над его головой кричали, борясь с ветром, чайки.

5

Вернувшись к гробнице, Перикл обнаружил, что Кимон и все остальные уже ушли. Воспринимать ли это как критику или, наоборот, как знак доверия – мол, делай, что должен, и спускайся к кораблям, – он не знал. Могила была совершенно пуста, и о том, что здесь кто-то побывал, напоминали лишь разбитая каменная плита да вытоптанная трава. К сожалению, это также означало, что рассчитывать на чью-то помощь уже не приходилось. Некоторое время он стоял над пустой могилой, размышляя. Нельзя было винить Кимона за то, что он ушел, – его людям грозила опасность. Выбора не оставалось. Бросив Аттикоса на погибель, он будет жить с этим до конца своих дней. А раз так, то нужно по крайней мере попытаться, чтобы сказать потом, что спасти старого гоплита было невозможно. Перикл вздрогнул, почувствовав на себе чей-то взгляд, и оглянулся. За ним никто не наблюдал, хотя пустая могила будто смотрела на него, обвиняя. Он вернулся к выступу.

Когда Перикл склонился над обрывом, Аттикос лежал в несколько иной позе, прижав сломанную ногу к другой.

Увидев товарища, он помахал рукой:

– Давай веревку. Я обвяжусь, и парни меня поднимут.

– Они ушли. Все! – крикнул в ответ Перикл. – Здесь только я один.

Лицо Аттикоса заметно омрачилось. Сначала это падение, которое могло закончиться еще хуже, если бы он угодил на другой выступ, десятком шагов ниже, или скатился и упал в море, теперь вот это. Похоже, бедняга израсходовал весь запас удачи.

Судя по выражению лица, Аттикос и сам это понял, и вспыхнувшая было надежда сменилась горьким разочарованием. Перикл боялся, что если спустится вниз, то уже не сможет выбраться обратно. Утес был мало того что отвесный, так еще и изрыт птичьими гнездами. Мальчишкой Перикл лазал по деревьям, но здесь все было иначе. От одной лишь мысли о падении на лбу у него выступил свежий пот и помутнело в глазах. Он медленно опустиллся, лег на живот и, вцепившись обеими руками в траву, высунулся вперед настолько далеко, насколько хватило смелости. Над головой с пронзительными криками носились чайки.

Перикл уже набрал в грудь воздуха, собираясь спросить Аттикоса, нет ли у него сообщения для кого-то в Афинах, но тут на глаза попала расщелина в скале, довольно длинная трещина, которая могла бы послужить опорой для спуска, если бы ему вздумалось совершить такую глупость.

Стараясь ни о чем не думать, Перикл перекинул ногу через край. Сердце бешено стучало, голова закружилась. Он прижался к холодному камню. Безумие! Руки дрожали, но хватка не ослабевала, и он продвигался дальше и дальше, стараясь не смотреть вниз, чтобы не увидеть ноги. В какой-то момент одна сандалия угодила в узкую трещину, и он обратился к Афине с отчаянной мольбой о спасении.

Мало-помалу Перикл продвигался вниз по почти отвесному склону. Аттикос молчал, но фигура лежащего на земле гоплита то и дело появлялась в поле зрения, когда Перикл искал взглядом опору. Мышцы предплечий начали уставать, и ноги от напряжения дрожали так, словно началась лихорадка.

– Я молод, – убеждал он себя, – молод и силен. Я не упаду, – снова и снова шептал он.

Перикл едва не выказал себя лжецом, когда одна нога соскользнула и ему, как крабу, пришлось, распластавшись на каменном склоне, искать потерянную опору. Он содрал ноготь на пальце левой руки, но, как ни странно, не почувствовал боли, хотя кровь и стекала каплями на утес, прочерчивая длинную красную полосу. Кончики пальцев онемели.

Добравшись до выступа, на котором лежал Аттикос, Перикл устало привалился спиной к скале. Внизу огромной каплей расстиралось суровое море. Аттикос посмотрел на него с удивлением и как будто с недоверием.

– У тебя нет веревки? – спросил он.

Перикл покачал головой – он еще не отдышался. Страх и усталость еще сидели в нем, но силы быстро восстанавливались.

– Только... я.

– Надо было уходить с остальными, – сказал Аттикос. – Без ног мне отсюда не выбраться. А теперь и ты тоже здесь застрял. Можешь прыгнуть в море – так хотя бы быстрее, чем умереть от жажды.

Перикл посмотрел на склон, по которому только что спустился. Ничего подобного он прежде не делал, но теперь у него за спиной уже был этот опыт. Он поморщился, посмотрев на палец с содранным ногтем. Карабкаться по отвесному склону было тяжело – и больно, – но он прошел это испытание, и в каком-то смысле ему это даже понравилось. Получится ли забраться наверх...

– Внизу только море. Думаешь, выжил бы, если бы сорвался?

Аттикос устало закричал:

– Одна нога сломана, в другой ножевая рана... Нет. – Он помолчал. – Та дрянь... надо думать, сбежала?

Перикл пожал плечами:

– Я ее не видел.

Он почувствовал, что гоплит смотрит на него.

– Не видел! – повторил Перикл.

– Я только подумал, что, если бы ты просто держал ее крепче, я бы не валялся здесь со сломанной ногой и не собирался скатиться, когда станет немоготу. Вот и все.

Перикл задумался и покачал головой:

– Если б ты не ударил ее, у тебя была бы одна здоровая нога. Так что сам беду накликать.

Говоря это, он посмотрел на уходящий вверх склон. Мысль появилась раньше, но то, что казалось возможным наверху, снизу выглядело намного сложнее. Также он знал, что, прежде чем что-либо предпринимать, нужно хорошо отдохнуть. Наверное, невозможное так и останется невозможным, но ведь ему девятнадцать. В девятнадцать ничего невозможного нет.

– Это мой отец записал тебя в команду Кимона? – внезапно спросил Перикл. – Чтобы присматривать за мной?

Аттикос ощупывал сломанную ногу и морщился от мучительной, почти невыносимой боли. При этом он ни разу не вскрикнул, что служило верным подтверждением того, какой он на самом деле старый сучий сын.

– Чтобы защитить тебя, – поправил Аттикос и пожал плечами, увидев удивление на лице Перикла. – Скрывать уже ни к чему. Я все равно никуда не пойду.

– Я понесу тебя. На спине.

Аттикос посмотрел на уходящий вверх скалистый склон и побледнел еще сильнее.

– Нет, – сказал он, помолчав. – Сегодня меня ударили ножом, у меня переломаны кости, а своей шкуры я на этом проклятом утесе оставил столько, что и смотреть не хочется. Все, хватит. Я сказал твоему отцу, что буду тебя охранять... ну вот. Ты ползи назад, если сможешь. Оставь меня и передай отцу, что свой долг я выполнил.

Перикл усмехнулся. Старый хрыч, любитель драмы. Кимон будет ждать их возвращения. И если только островитяне не одолеют греческих гоплитов, то рано или поздно он пришлет кого-нибудь узнать, что случилось с его людьми. Он прикусил губу. Конечно, если Кимон убит, то их могут хватиться только через несколько дней. Ну и, наконец, может оказаться так, что за ними вообще никто не придет.

– Этого не будет, – твердо ответил Перикл. – Снимай одежду.

– Ну уж нет, не выйдет. Пока есть силы, я тебе не дамся.

Периклу было не до шуток.

– Нужно уменьшить вес. Обхватишь меня за шею и через подмышку. Думаю, если сможешь удержаться, я тебя вытащу. А потом вернусь за остальным.

Аттикос выругался – на удивление энергично, – но противиться не стал, поскольку стоящий над ним парень был настроен решительно и в случае отказа мог, чего доброго, применить силу.

Ворча и сопя, Аттикос расстегнул кожаный нагрудник, и Перикл помог ему стянуть через голову тунику. Без одежды и доспехов старый гоплит выглядел как будто усохшим. Сломанная, с потеками крови, нога распухла. Стараясь не смотреть на нее, Перикл взял Аттикоса за руки, поднял и взвалил на спину.

– Сделаю, – сказал он, обращаясь и к себе, и к зарывавшему от боли раненому.

Одну ногу Аттикосу удалось поджать, но сломанная болталась свободно. Волосатая рука под подбородком терлась Периклу о горло. В общем, получилось нескладно и неудобно, но карабкаться он все же мог.

Едва он поднял руки, как Аттикос забормотал у него над ухом.

– Афина и Аполлон, мои покровители, уберегите нас в этом испытании. Простите этому мальчику его молодость и высокомерие. Не оставьте нас и сохраните, коль есть на то воля ваша.

Перикл кивнул, ухватился обеими руками за выступ, оперся и, крикнув, выпрямился, подняв Аттикоса. До вершины было еще далеко, но он улыбнулся и подтянулся. Вперед и вверх.

– Прижмись. Держись крепче, – прошипел Перикл, ощутив дрожь в мышцах.

Аттикос сдвинулся, перенося вес, и напряжение ослабло. Время от времени, когда сломанная нога начинала раскачиваться, он жалобно постанывал, и тогда Перикл останавливался и хватал ртом воздух, чувствуя, как выступает на коже пот. Палец с сорванным ногтем снова напомнил о себе пульсацией боли в такт бешено стучащему сердцу. Позади осталось полпути, и Перикл искал ногой надежную точку опоры, когда мышцы задрожали, словно у атакованной мухами лошади. Нет. Сил хватит. Он не был уверен в себе, пока не сделал первый шаг с лежащим на спине Аттикосом. Он доберется до вершины. Вытащит их обоих.

Теперь он уже не решался смотреть ни вниз, ни по сторонам. Только на следующий выступ. Только туда, где можно найти опору. Он спешил, потому что чувствовал, как силы тают с каждым мгновением. Скоро они иссякнут совсем, и тогда они оба упадут – на камни или в море.

Аттикос помалкивал, понимая, что нельзя отвлекать того, кто держит в руках его жизнь. И только видя, как Перикл шарит растопыренными пальцами по камню, пытаясь найти трещину или выступ, он, пользуясь преимуществом лучшего обзора, давал подсказку: «Левую руку сдвинь чуть выше» или «Подтяни ногу на ширину пальца». Он тоже вспотел, и его влажная голая рука скользила по шее Перикла с нелепой для обоих интимностью.

В поле зрения мелькнула бахрома травы над краем. Перикл сосредоточился на одной-единственной цели, не позволяя себе отвлекаться, отогнав все мысли, не слыша даже криков чаек. Но жгучий пот попал в глаза, он тряхнул головой, и все, что мешало концентрации, вернулось. Перикл понял, что допустил ошибку. Он знал, что может упасть. Руки задрожали от напряжения. Он не представлял, как перевалить через край. Аттикос висел на спине свинцовым грузом.

– Слушай... я не могу... не могу перетащить нас обоих.

– И что? – прохрипел ему в ухо Аттикос. – Что я могу сделать?

– Тебе нужно... только быстро... протянуть руку и ухватиться за край, пока я не упал. Повиси на руках, а потом я тебя вытащу.

– Ладно, ты только держись. Я постараюсь.

Аттикос услышал отчаяние в его голосе. Если бы Перикл сорвался, погибли бы они оба. Он не стал спорить, но, как душитель, обхватил его одной рукой, надавив на горло так, что у Перикла поплыли круги перед глазами. Вторую руку Аттикос выбросил вверх и схватился за край утеса. Ощувив внезапную легкость, Перикл шумно выдохнул. Между тем Аттикос беспомощно повис на руках, одной ногой пытаясь найти опору. Сломанная нога бесполезно болталась, и боль была невыносимой, но старый гоплит не издал ни звука и в мрачном молчании наблюдал, как Перикл перебирается через край.

Пыхтя и отдуваясь, Перикл развернулся и взял Аттикоса сначала за одну, потом за другую руку. Какое-то время они возились, кряхтя и сопя, хватаясь друг за друга, пока не упали, совершенно обессиленные, на траву.

Чайки носились над ними, возмущенные бесцеремонным вторжением людей на их пристанище с гнездами. Сил у Перикла хватало только на то, чтобы дышать и смотреть на них.

– Не думал... что будет так... трудно, – наконец вымолвил он.

Аттикос сел. При всех травмах, ранах и изнеможении свалиться без сил, как Перикл, он себе не позволил. Его бил озноб.

– Не думаю, что ты сможешь вернуться за моими доспехами и оружием, – сказал он.

Перикл покачал головой и рассмеялся:

– Думаю, что не смогу.

– Тебе еще придется нести меня вниз, к кораблям, – напомнил Аттикос после очередной паузы.

Перикл покачал головой. Болело все тело, каждая мышца, каждый сустав. Он представил, как понесет эту голую обезьяну по холмам, через болота, и едва не застонал.

– Надо идти, – продолжил Аттикос. – Не хочу отдаваться на милость здешним женщинам, если Кимон решит, что мы не придем. Как думаешь, долго он будет ждать?

Перикл нервно сглотнул. Думать об этом не хотелось. Он перекатился на четвереньки и поднялся. Аттикос кое-как встал на одну ногу, шипя себе под нос.

– Плохо? – спросил Перикл, когда гоплит обхватил его за шею.

– У меня сломана берцовая кость, так что да, можно и так сказать, – ответил Аттикос.

– Нужны две дощечки и пара кожаных ремешков, тогда бы я привязал одну ногу к другой. Если ты не прячешь их на себе, то давай, шевелись.

Перикл раздраженно стиснул зубы, вспомнив, как сильно невзлюбил этого несносного старика.

– Идем.

Аттикос промолчал, и Перикл, согнувшись и приняв на спину нежеланную ношу, сделал первый шаг.

Через какое-то время Перикл неожиданно рассмеялся.

– Что еще такое? – недовольно пробурчал Аттикос.

Сломанная нога болталась, и боль вымывала силы, а от слабости кружилась голова.

– Подумал, что я похож сегодня на Энея. После падения Трои он отнес отца в безопасное место.

– Понятно. И что, этот Эней тоже донимал отца пустой болтовней?

– Нет, – сердито огрызнулся Перикл и надолго замолчал.

6

Перикл устало привалился к поросшему мхом берегу ручья. Просочившаяся из-под мха вода обожгла холодком руку, и он вздрогнул от неожиданности. Рядом Аттикос пробормотал что-то неразборчивое. Перикл не слышал. Сил хватало только дышать, и он думал, что если закроет глаза, то уснет и, быть может, уже не проснется. Весь этот долгий день он шел через боль – сначала старую, потом сменившую ее новую, – обдирая кожу и чувствуя, как дрожат и разбухают, наливаясь кровью, мышцы. Он много раз падал, но ни разу не уронил Аттикоса по собственной воле. Он шел и шел, с одной пульсирующей в голове мыслью, перелезал через поваленные деревья и продирался сквозь колючие кусты, царапавшие до крови кожу. Злобные, ненасытные мухи роились над ними, привлеченные потом, солью и оголенной плотью, но их укусов Перикл уже не чувствовал. Он не мог ни развести костер, ни подкрепить силы пищей. Оставалось только одно: закрыть глаза и ни о чем не думать. Он говорил себе, что силы вернуться, что он всегда делал так и нужно лишь ненадолго исчезнуть из этого мира...

Аттикос молча похлопал его по плечу, пытаясь вывести из оцепенения, и, преодолевая боль, перенес вес на здоровую ногу. Колотая рана загрязнилась, ведь путь их пролегал и по болотистой местности. Нога распухла, начинался жар. И все же он заставил себя стоять, как и полагается гоплиту.

Впереди, менее чем в полудюжине шагов от того места, где они остановились, бледно-серый пони подошел к ручью утолить жажду. Опустив голову, животное пило ледяную воду, а Перикл и Аттикос, замерев, наблюдали за ним.

– Ты это видишь? – прошептал Аттикос и, как ребенок, привлекающий внимание родителя, снова похлопал Перикла по плечу.

Туман боли и усталости рассеялся, сменившись вспыхнувшим раздражением.

– Давай! Беги! – крикнул Перикл и замахал руками.

Испуганный пони вздыбился и едва не упал, но все же повернулся и, заржав, поскакал по мелкому ручью, разбрызгивая воду.

– Ты зачем это сделал? – сердито спросил Аттикос и даже вскинул руку, как будто собирался ударить Перикла, но сдержался и только потряс кулаком перед его лицом.

– Это же дикая лошадь! – разозлился Перикл. – Или ты думал прокатиться на нем верхом? Да он бы убил тебя в твоем состоянии. Пони сильные. По крайней мере, слишком сильные для нас сейчас.

Аттикос смутился, покраснел и опустил руку.

– Я в лошадях ничего не смыслю.

Он помолчал и резко добавил:

– Просто я не рос рядом с ними.

Перикл на мгновение закрыл глаза, собирая в кулак волю, и перевел дух. Он притащил этого несносного хрыча в такую даль, сделал для него больше, чем для кого-либо еще. И все будет напрасно, если он забудет его до смерти камнем из ручья.

– А я рос, поэтому знаю. И вот что. Если хочешь пить, я тебе помогу и...

Он замолчал, увидев появившийся над холмом густой дым. Конечно, они были уже недалеко от побережья.

Перикл не был хорошим следопытом, но все же узнал следы отряда Кимона, когда наткнулся на них. Он шел по ним последние несколько часов. И вот теперь они почти достигли берега.

Моргнув от боли, он убрал руки за спину и пригнулся.

– Ну же, давай. Мы уже почти на месте.

У Аттикоса пересохло во рту, но сейчас он больше всего боялся, что его бросят. Одно дело умереть, сражаясь в бою, и совсем другое – попасть в руки злобных островитянок после того, как афиняне уйдут. Он очень хорошо знал, какими мстительными и жестокими могут быть женщины. По правде говоря, они куда хуже мужчин. Особенно когда их никто не видит. В этом отношении они напоминали ему дельфинов...

Аттикос покачал головой, понимая, что начинает бредить, и, не обращая внимания на боль в сломанной ноге, обхватил Перикла за шею.

– Ну что ж, пони, пошел! – пробормотал он и щелкнул языком. – Вперед!

Перикл выругался, принимая ношу, но не дрогнул.

Нужно просто пройти еще немного.

* * *

Перебравшись через дюны, они остановились. Аттикос соскользнул со спины Перикла и, стоя на одной ноге, повернулся, подставив ветру потную грудь. Потом, кряхтя, опустился на клочок травы и неуклюже растянулся.

– Не хочу, чтобы парни увидели меня таким, – прохрипел он.

– Каким таким? – удивился Перикл. – Голым?

– Да кому до этого какое дело? Мою белую задницу они могут увидеть в любой момент, когда захотят со мной побегать. Нет, не хочу, чтобы увидели... раненым. – Аттикос скрипнул зубами, как будто в рот попал песок. – Не хочу, чтоб увидели, как меня несут... будто ребенка. Если принесешь мне пару деревяшек и копье, чтобы можно было опираться, я сам пройду остаток пути... – Он поежился от налетевшего ветра. – И какую-нибудь накидку. Если увидишь. Не ищи, просто если увидишь.

Перикл ждал продолжения, но Аттикос молчал и только вглядывался в тела, лежащие на песке и в полосе прибоя, стараясь понять, что здесь произошло. Судя по всему, пиратские лодки подошли на полном ходу и выбросились на берег. Перикл жалел, что не увидел действия с самого начала, когда до островитян внезапно дошло, что они столкнулись с численно превосходящим противником.

Две лодки были подожжены, и дым от них поднимался в чистое небо. Третья вспыхнула только что, на глазах у Аттикоса и Перикла. Аттикос усмехнулся про себя. Пиратам просто нечего было противопоставить обученным гоплитам. Он хотел поделиться своим мнением с Периклом, но когда повернулся, то увидел лишь его спину. Юноша уходил, не сказав ни слова, с видом обиженной женщины. Нужно ли было поблагодарить его за все, что он сделал? Наверное, Перикл ждал каких-то слов, но, если рассудить по чести, что еще оставалось мальчишке? Был ли у него выбор? Нет. Судьба назначила каждому из них свою роль в тот миг, когда земля ушла из-под ног Аттикоса и он скатился со скалы. Будь все наоборот, Аттикос сделал бы то же самое и пронес Перикла через весь остров. Парень всего лишь исполнил долг. Молодость. Ну и, конечно, хорошая родословная, мысленно добавил он, вспомнив отца Перикла. Нет, благодарить человека, у которого не было выбора, неразумно.

Перикл вернулся с плащом и корабельным плотником. Развернув сверток с инструментами, плотник со спокойным терпением наложил шину на сломанную голень. Дышал он через нос, издавая шипение, похожее на шум накатывающих на берег волн. Когда все закончилось, Перикл помог Аттикосу подняться, и они втроем спустились к берегу, где афиняне под руководством Кимона устраняли последствия стычки с пиратами.

Увидев Аттикоса, Кимон удивленно вскинул брови и улыбнулся, за что вернувшиеся были ему благодарны, поскольку ожидали упреков.

– Половину мы уложили здесь. Остальные убежали в горы, – с довольным видом сообщил он, оглядывая берег, который его люди прочесывали в поисках чего-нибудь ценного.

Триеры афинян стояли на некотором удалении, и Аттикос смотрел на них с молчаливым смирением.

Заметив разочарование на лице Перикла, Кимон сразу все понял. Грязный, весь в царапинах и ссадинах, с черной от засохшей болотной грязи ногой, он напоминал живую карту с отметинами от укусов насекомых и колючек. Юноша не смог поучаствовать в сражении с пиратами, потратив драгоценное время на одного незадачливого соотечественника. Кимон ухмыльнулся. День удался.

– Это все мелочи, – сказал он. – Важно то, что у нас на борту сам Тесей. Ради него мы и прибыли на Скирос. Твой отец поймет. Так ты тащил Аттикоса от самой гробницы? – Он одобрительно покачал головой: – Молодец.

Перикл покраснел и смутился. Аттикос на мгновение поднял глаза. Сам он никакого героизма не проявил, поскольку провел полдня на спине юнца, годного ему в сыновья. Но он был рад вернуться в знакомое, привычное окружение после казавшегося бесконечным путешествия, потребовавшего напряжения всех сил. Он стерпел боль и муки и не выказал слабости перед Периклом. А победа, в конце концов, досталась Кимону, руководившему всем предприятием.

– Соорудишь мне костыль, – обратился к плотнику Аттикос, – дам тебе драхму.

Плотник оценивающе оглядел его и, подняв валявшееся неподалеку сломанное весло, без слов протянул пострадавшему. Аттикос собирался сказать, что так может сделать любой дурак, но деревяшка оказалась подходящей длины, и на нее можно было опереться без особого дискомфорта. С явной неохотой выудив из-за щеки монету, он бросил ее плотнику. Тот поймал вознаграждение и, ухмыльнувшись, поспешил к кораблям. Команды уже собирались у одной из триер, чтобы спустить ее на воду, а потом вытащить в море остальные.

– Можешь идти? – спросил Кимон.

Аттикос кивнул.

– Тогда идем. Здесь нам больше делать нечего.

Аттикос поковылял к кораблю. Перикл шел рядом, как нянька, все еще оберегающая своего подопечного.

– Все в порядке, куриос. – Аттикос хотел сказать это резко, но получилось мягче, словно благодарность, и он смутился.

Ему было приятно снова оказаться среди друзей, в своем мире, и он твердо решил, что не отстанет от остальных, как какая-нибудь беспомощная старуха.

Морской воздух был чист и свеж. По пути к кораблю они прошли мимо нескольких лежащих на песке тел, и Перикл, взглянув на них, отметил глубокий загар и не впечатляющие крепкой мускулатурой ноги и руки рыбаков. Пираты явно не выглядели закаленными воинами. Судя по всему, гоплиты перебили их сразу же после высадки на берег. Под руководством опытного лохага, удерживавшего воинов от безрассудных атак и в рамках дисциплины, на берегу разыгралась самая обычная бойня. Интересно, выжил ли муж Фетиды и будет ли она рада его возвращению? Действительно ли она так привлекательна, как ему показалось? У нее были поразительные глаза, скорее серые, чем карие. Он покачал головой: что за бредовые мысли?

Кимон выглядел довольным, и его настроение передалось Периклу. Тесей с ними!

Шестеро гребцов, соорудив из веревок подобие сиденья, подняли Аттикоса на борт. Старый гоплит вскрикнул от боли, когда сломанная нога ударилась о корпус при повороте, и все, кто наблюдал за транспортировкой, невольно вздрогнули. Они хорошо знали его, и некоторые не смогли удержаться от ухмылок.

Стащить триеру с берега оказалось непростой задачей. Под весом корабля киль зарылся глубоко в песок. В обычные дни за тремя триерами шли на буксире две лодки. Закрепив канаты, оба суденышка попытались сдвинуть тяжелый корабль с места. Гребцы работали изо

всех сил, канаты то натягивались, то падали в воду. На берегу, упершись в корпус, им помогали еще двадцать человек. Другим просто не хватило места.

День погружался в сумерки, и хорошее настроение Кимона таяло на глазах. Близилась ночь, а они застряли на острове. Позарез требовалось спустить на воду хотя бы одну триеру, чтобы потом стащить два других корабля. Оставаться на острове на ночь было рискованно – оправившись, пираты могли набраться смелости, подготовиться и попытаться напасть на незваных гостей. Под покровом темноты они могли, например, обстрелять суда огненными стрелами. Его любимые военные триеры лежали беспомощно на берегу, и Кимон беспокоился за них. Беспокойство переросло в тревогу, когда заходящее солнце окрасило холмы золотыми и красными оттенками.

Перикл, вместе с другими упирившийся ногами в песок и давивший на корпус спиной, отступил и махнул рукой – людям требовалась передышка. Едкий пот струился по лицу и даже затекал в нос. Выпрямившись, он огляделся. Три пиратские лодки уже обгорели до черноты, одна догорала.

Он хлопнул себя по лбу:

– Лохаги, сюда, ко мне.

Два ближайших капитана подбежали к нему. Оба разделяли тревогу Кимона, поскольку их корабли могли остаться в уязвимом положении на всю ночь.

– Возьмите гребцов, сколько нужно, посадите на те лодки, и пусть присоединятся к нашим двум. Будем молиться Посейдону, чтобы этого оказалось достаточно.

Не теряя времени, капитаны подозвали гребцов, стоявших группами в стороне и опасливо поглядывавших на холмы. Человек шестьдесят, оставив на берегу оружие и доспехи, устремились наперегонки к пиратским лодкам, вытащили их на мелководье, расселись по местам и взялись за весла. Темные силуэты, словно отравив паучьи лапы, заскользили по воде, удаляясь от берега. Эту работу они знали. Отойдя от берега, лодки приблизились к корме, откуда им сбросили канаты, и исчезли в темноте. Кормчие подали знак стоящим на берегу, и несколько человек перебежали на нос – поглазеть на тех, кто приготовился толкать триеру. Их с проклятиями прогнали на корму, где они своим весом, если ничем другим, могли послужить общему делу.

– Приготовились, парни! – скомандовал Перикл собравшимся у носа. – Раз, два... три! Раз, два... три!

Все навалились сообща, и корабль вдруг дрогнул, скользнул по гальке, с шумом бултыхнулся в воду и закачался. Только что лежавший мертвым грузом, он ожил в той стихии, для которой был создан.

Берег огласился восторженными криками, которые подхватили гребцы уже возвращающихся лодок. Солнце село, остров погрузился во тьму, но они вырвались из западни. Даже если бы на буксировку двух других триер ушла вся ночь, это было бы уже не важно. Они были людьми моря, и море вернуло их себе.

После того как последний из трех кораблей сошел на воду и гребцы подняли весла, Кимон поджег пиратские лодки. Да, уцелевшие островитяне когда-нибудь построят другие, но в ближайшее время они не смогут нападать на проходящие суда и совершать набеги на соседние острова в поисках женщин и рабов.

Кимон подождал, пока огонь займется. Его переполняла радость, и он жалел лишь о том, что отец умер, не узнав, что они нашли останки Тесея.

Главная триера покачивалась на мелководье, едва не цепляясь килем за дно. Скал на этом песчаном берегу не было, но Кимон знал, что успокоится только тогда, когда они выйдут на глубокую воду. Поднявшись на борт по лестнице, специально для этой цели встроенной в борт, он бросил веревку оставшимся в лодке гребцам и замер – вдалеке прозвучал голос, пронзительный и отчаянный.

– Что это? – спросил он, всматриваясь в темноту, но не видел ничего, кроме горящих лодок.

Подошедший к борту Перикл вытянул руку, указывая на что-то:

– Там. Кто-то бежит...

В свете пламени на берегу появилась бледная фигура. Человек бежал в их сторону.

– Кто-нибудь еще? – спросил Кимон, щурясь и крутя головой.

– Нет. Только один, – ответил Перикл и удивленно вскрикнул: человек с разбегу бросился в воду и замахал руками в белой пене волн.

– Бросайте веревку, – распорядился Кимон. – Кто-то из наших?

Перикл пожал плечами:

– Я не... Нет, не из наших. Это...

Прямо под ними Фетида неловко схватила брошенную веревку. Казалось, она собирается взойти по борту, но ноги соскользнули, и женщина повисла, вопя от страха. Кимон махнул рукой, и два дюжих гребца вытащили ее и поставили на палубу.

– Убежище! – выдохнула она. – Я гречанка из Фив и прошу убежища.

– Так это же?.. – удивленно произнес Кимон.

– Она самая, – кивнул Перикл, – та, что привела нас к гробнице.

– Ты сделала странный выбор, вернувшись к нам, – сказал Кимон.

– Они думают, что я предала мужчин, – объяснила Фетида. – Мой муж мертв, и у меня здесь ничего не осталось. Я – свободная гречанка, здесь – пленница. Если ты – главный, твой долг – вернуть меня целой и невредимой на родину. Это все, о чем я прошу. Дорогу домой я найду сама.

Женщина дрожала. Мокрые, спутанные волосы свисали космами, рваная одежда выглядела такой же грязной, как палуба у них под ногами. Тем не менее бесстрашие, с которым она ждала ответа, вызывало невольное восхищение. Перикл уже открыл рот, чтобы высказаться в ее защиту, но его опередил Кимон.

– Хорошо. Ты пришла из моря, и я не стану отправлять тебя обратно, чтобы не прогневить Посейдона.

– Значит, я под твоей защитой, куриос? – спросила она.

Вопрос был важный, и в ее пристальном взгляде сквозило отчаяние. В случае отказа она находилась бы на корабле в незавидном положении пленницы. По одному его слову ее могли продать в рабство – в счет компенсации расходов на экспедицию.

В своем обычном стиле, Кимон принял решение быстро и коротко кивнул:

– Даю тебе клятву. Я высажу тебя на берег в Афинах или же...

– Стратег! Корабли! – взревел кто-то.

Все повернулись на крик, мгновенно позабыв о женщине.

Триеры Кимона стояли близко к берегу, что лишало их свободы маневра. Тем не менее две из них начали разворачиваться, чтобы встретить угрозу лицом к лицу, и весла уже коснулись воды. Увы, было слишком поздно. В наступившей ночи над горизонтом повисла полная луна. Вглядываясь в ночь, Перикл увидел то, от чего у него пересохло во рту. По меньшей мере шесть военных кораблей незаметно подкрались к ним со стороны моря, закрыв ловушку, пока афиняне занимались своими делами. Может быть, их привлек к этому месту дым от горящих лодок.

– Нам придется снова выбрасываться на берег, – мрачно сказал Кимон. – Здесь они возьмут нас голыми руками. На суше у нас возможностей больше.

– Подожди... – тихо сказал Перикл. – Подожди немного... пожалуйста.

Наблюдая за движением весел, он вспомнил морское сражение при Саламине. Эти корабли не могли быть персидскими. Скорее они походили на тот корабль, на палубе которого стоял он сам. Такие строили только на афинских верфях.

– Думаю, это греческие. Более того, я в этом уверен. Это наш флот.

Кимон, никогда не полагавшийся на мнение других, нервно сжимал и разжимал кулаки. Перикл сглотнул, увидев, как с неизвестных кораблей спускают лодки. Враг мог попытаться срезать их весла или пойти на таран, набрав скорость, тогда как они были беспомощны в этом положении.

Возможно, Кимону следовало выслать вперед свои лодки, чтобы подать сигнал, подумал Перикл. Они все еще только постигали тактику морского боя. И в данном случае молодой стратег, похоже, допустил еще одну ошибку, позволив застигнуть себя врасплох у самого берега.

– Пройти вперед, – приказал Кимон. – До глубокой воды. И бросить якорь.

Не успел он договорить, как их окликнули с ближайшей лодки. Веселое приветствие на родном языке мгновенно сняло напряжение. Все заговорили разом, посыпались шутки, и даже раздался смех.

Один лишь Кимон не позволил себе ни расслабиться, ни улыбнуться. Даже если эти корабли были главной частью афинского флота, они наверняка приняли бы его командование. Какое-то время – жаль, слишком недолго – он пользовался такой же свободой, как Персей, Ясон или молодой Тесей.

Скользнув холодным взглядом по полуобнаженной молодой женщине, которая все еще ждала его ответа, он сердито нахмурился:

– Ты только не путайся под ногами.

Фетида кивнула. В ночи ее глаза как будто стали еще больше и темнее.

* * *

Подошедшая первой лодка ударилась о борт. Из находившихся в ней трех мужчин двое поднялись на палубу быстро и легко, не обращая внимания на покачивание стоящего на якоре корабля. Третий поднимался медленно и осторожно, прочно ставя ногу и держась за поручни обеими руками, как человек, не раз падавший в воду и не желающий оказаться там снова.

Двое первых всем своим видом и манерой держаться напоминали гоппитов, но мечи на палубе Кимона оставили в ножнах. Поднявшись, они не произнесли ни слова. Все наблюдали за третьим, который, прежде чем сделать последний шаг, остановился.

– Дай руку, – сказал Аристид.

Перикл, шагнув вперед, помог старику. Аристид слегка запыхался и, ступив на палубу, огляделся.

Кимон опустился на одно колено и тут же поднялся, выказав минимум вежливости по отношению к архонту Афин, чьим именем были отмечены годы в календаре.

– Для меня большая честь принимать тебя в качестве гостя, архонт Аристид, – сухо произнес Кимон.

– Да уж представляю, – сказал Аристид и ухмыльнулся, блеснув зубами в лунном свете. – Рад видеть тебя в добром здравии, Кимон. Тебя разыскивает половина нашего флота. Я рад, что приведу тебя сам.

– Приведешь меня куда? – спросил Кимон.

Перикл чувствовал его напряжение и непонимающе переводил взгляд с одного на другого.

– На остров Делос. Это два или три дня пути к югу отсюда. Мы уже созвали всех наших союзников в одно место. По правде говоря, думаю, ты будешь едва ли не последним. После всего, что ты сделал, мы просто не могли оставить тебя в неведении.

Аристид слегка нахмурился, переведя взгляд на темный остров, где, словно лагерные костры, догорали пиратские лодки.

– Но все же почему ты здесь? – спросил он. – Наши корабли ищут тебя на севере, до самой Фракии. Я уже почти отчаялся. Если бы мы не заметили дым, то прошли бы мимо.

Кимон задумчиво коснулся лба, а когда поднял взгляд, Перикл невольно усмехнулся – на лице стратега, слившись воедино, боролись скромность и гордость.

– Мы нашли кости Тесея, – сказал Кимон.

Старик переменился в лице, что доставило удовольствие всем, кто наблюдал за ним в этот момент.

– Это... клянусь богами! Отличная новость! Хорошее предзнаменование перед началом переговоров на Делосе!

– Что это за переговоры? – почтительно обратился к нему Перикл.

Аристид повернулся к нему и ответил:

– Вы слишком долго отсутствовали. На Делосе соберутся все эллины. Речь пойдет о будущем, об объединенном флоте, необходимом для победы над Персией на море. Это великое начинание, и твой отец многое сделал, чтобы оно осуществилось. Ему нелегко, но он живет ради того, чтобы увидеть, как это свершится. Впрочем, он все расскажет тебе сам. Ксантипп будет рад тебя видеть, я знаю. Итак, сейчас вы отдохните, а утром отправимся на юг, к Делосу. С благословения Афины и Посейдона, думаю, вы увидите что-то новое в этом мире.

Он протянул руку, и Кимон крепко пожал ее.

– А теперь, – продолжил Аристид, не отпуская руки Кимона, – могу ли я взглянуть на кости нашего царя?

Кимон улыбнулся и кивнул:

– Мой отец Мильтиад всегда хорошо отзывался о тебе, Аристид. Спасибо тебе за то, что отыскал нас. Что бы ни происходило на Делосе, я хочу увидеть это собственными глазами. – Он взял старика за плечо и, обернувшись, крикнул: – Принесите лампу!

7

Девять военных кораблей, держа строй, направлялись на юг, к Делосу. Хотя об этом не говорили вслух, команды Кимона не жалели сил, взбивая волны в белую пену, чтобы оставаться впереди. В конце концов, они несли кости великого афинского царя и считали себя возрожденными аргонавтами. Они были флотом Одиссея, частью истории. В любом случае, кем бы они ни были, они не могли допустить, чтобы в порт их привели старики вроде Аристида.

На второй день небо затянули тучи, грозя дождем. Накануне, отправляясь на юг, греки поставили паруса, но ветер переменялся, и их пришлось снять, сложить и убрать. Мачты оставили, и на верхушке каждой стоял, претерпевая дождь и ветер, мальчишка-дозорный. Они переглядывались и даже ухмылялись друг другу, радуясь приключению, но в то же время соревнуясь между собой в стремлении первым увидеть пункт назначения, священную гавань Делоса. На посту они оставались до наступления темноты, если только раньше их не прогонял холодный штормовой ветер.

Оглянувшись назад, Кимон увидел шесть кораблей Аристида, упрямо преследующих первую тройку и не позволяющих ей оторваться. Для таких кораблей ветер опасен. Гребцы на нижних скамьях уже промокли насквозь от брызг, прорывающихся мимо кожаных рукавов. Аристид – афинский архонт и ветеран, напомнил себе Кимон. Он и его поколение стояли рядом с отцом Кимона на поле Марафона! Аристид командовал гоплитами в великой войне, когда греки сражались против персидского войска, нагрянувшего словно саранча. Аристид принадлежал к поколению его отца, которое состарилось, защищая Афины. Вот почему Кимон смотрел на него с благоговением и немалой завистью. Это не означало, что ему нравился этот человек, как не нравились и попытки загнать его домой, как непослушного ребенка.

Перикл поднялся снизу с ложкой и миской тушеной фасоли, которую, выйдя на палубу, посыпал щепоткой соли. Держа глиняную чашку на сгибе локтя, он хорошо сохранял равновесие, даже когда волны били в киль и палуба под ними содрогалась.

– Держи, согрейся. – Перикл протянул чашку старшему другу.

– А у тебя что-то есть? – спросил Кимон и, взяв чашку обеими руками, произнес, прежде чем приступить к еде, благодарственную молитву.

Перикл покачал головой и показал свою кашницу с чем-то красным, напоминающим кровь.

– Только вот это – вино, ячмень, немного тертого сыра. Попросил добавить мед, но повар лишь рассмеялся.

– А не муки ли любви лишают тебя аппетита? – усмехнувшись, спросил Кимон.

– Ты имеешь в виду ту женщину? – моргнул Перикл.

– Притворяешься, что не знаешь ее имени?

Юноша покраснел:

– Знаю. Фетида. Хотя, кажется, она положила глаз на тебя. Если я и думаю о ней, то на краю палубы.

Кимон с хмурым видом подобрал остатки тушеного мяса, которого в блюде было намного меньше, чем хрящей и подгоревших овощей. Популярная шутка гласила, что еда на корабле – ужасная гадость, и ее всегда не хватает.

– Аттикос все еще злится на нее, – заметил Кимон. – Он уже обращался ко мне. По его словам, женщина на борту – плохая примета.

Перикл похлопал себя по паху и сплюнул за борт, отгоняя сглаз.

– Она выставила его дураком, вот он и не может успокоиться. Как бы то ни было, оставить ее мы не могли. Высади на Делосе, если хочешь. В любом случае сейчас Аттикос до нее не доберется.

Кимон задумчиво почесал за ухом. Он серьезно относился к своим обязанностям, понимал, что несет ответственность за данное слово, и Перикл знал, что он попытается защитить женщину. Но и Аттикос накопил столько злобы, что мог утопить их всех.

Словно вызванный их негромким разговором, на палубе появился Аттикос, с трудом поднявшийся по ступенькам из трюма. Сломанная нога распухла до такой степени, что люди при виде ее невольно морщились. Мест для раненых на афинских военных кораблях было мало, и, кроме того, к тесноте добавлялась еще и сырость. Аттикос предпочитал морской воздух. Костыль, который выстругал для него плотник, сидел под мышкой гораздо удобнее весла, и к тому же Кимон поручил одному из гребцов сопровождать старого гоплита и помогать ему передвигаться. Теперь этот сопровождающий, плотный, крепко сбитый парень, следовал за подопечным, с беспокойством ожидая момента, когда тот начнет падать, и поглядывая на стратега.

Выйдя на палубу, Аттикос кивнул Кимону и Периклу. Он сильно потел и, очевидно, испытывал жестокую боль, но не жаловался, по крайней мере пока не спускался вниз. И даже там он позволял себе лишь проклятия, и не больше. Хотя погода стояла ветреная, Перикл уловил запах, распространяемый Аттикосом, и невольно наморщил нос, а потом, сделав шаг в сторону, встал с подветренной стороны. Старый гоплит наблюдал за его маневрами с очевидным подозрением. Перикл же, не обращая на него внимания, с гордостью наблюдал за идущими строем восьмью кораблями. Флот представлял собой огромную силу, и командовал им его соотечественник, афинянин Аристид.

На верхушке мачты дозорный взвыл по-волчьи и вытянул руку. Перикл ухмыльнулся. И действительно, на горизонте появился Делос, плоский, равнинный остров посреди моря. На его берегу родились Аполлон и его сестра-близнец Артемида. Остров изобилдовал садами и храмами и славился большим портом. В обычное время, когда на Делосе не проводилось никаких празднеств, здесь жили только зрители и священники. Остров считался нейтральной территорией, хотя финансовое бремя несли Афины, оплатившие строительство мраморных храмов и дававшие деньги зрителям, мужчинам и женщинам, днем и ночью поддерживавшим огонь в лампах.

Перикл криво усмехнулся. Корабли – это торговля, торговля – это богатство, а богатство – да, власть.

В его размышления вторгся голос Кимона:

– Ждешь встречи с отцом?

Перикл невольно напрягся, заметив, что Аттикос повернул голову, чтобы услышать его ответ.

– Конечно.

Глаза его, однако, остались холодными. С того дня, когда они вместе стояли на персидском берегу, прошло немного времени, но горе изменило отца. После потери старшего сына Ксантипп словно лишился рассудка, совершая неоправданные жестокости и проливая кровь невинных. Перикл не видел его несколько месяцев, и мысль о том, что он снова столкнется с испытующим, словно ищущим в нем что-то – или кого-то – взглядом, совсем его не радовала. Он не мог стать своим братом. И не мог быть ничем, кроме как разочарованием для человека, явно желавшего, чтобы на том берегу погиб его сын Перикл, а не Арифрон.

* * *

В порту Делоса в тот год царил оживление, не меньшее, пожалуй, чем в великом афинском Пирее. Присутствие в одном месте такого количества кораблей, прибывших отовсюду, отозвалось у Кимона – и у всех остальных, кто был на Саламине, – болезненными воспоминаниями. Никто тогда не верил, что они смогут победить персидский флот. Однако они вступили

в бой – и тысячи людей утонули или были убиты. Все, кто помнил тот день, потеряли тогда друзей, братьев или сыновей. С мрачными мыслями входили они теперь в порт Делоса.

Десятки кораблей либо покоились на берегу, либо стояли у причалов. Явившимся последними оставалось довольствоваться тем, что есть. В некоторых местах сойти на берег можно было по палубам прижавшихся бортами галер. Даже под руководством опытных капитанов команде требовался точный расчет и крепкие нервы, чтобы провести судно в подходящий для стоянки уголок, не обращая внимания на сердитые, возмущенные крики. Подведя триеры поближе и не рискуя идти дальше, Кимон передал ответственность капитанам и распорядился спустить лодку, которая доставила бы его на берег.

Аттикос пойти с ними не мог из-за сломанной ноги. Уже спускаясь по бортовой лесенке, Перикл вдруг подумал, что Фетиду нельзя оставлять на милость этого человека.

– Подожди, куриос, – бросил он Кимону, возвращаясь на палубу.

Кимон удивленно вскинул брови, но потом, когда Перикл вернулся с женщиной и направил ее к лестнице, понял, в чем дело, и кивнул.

Долгий летний вечер перетекал в серые сумерки, когда две маленькие лодки с Кимоном и его сопровождающими отошли от флагманской триеры. Впереди они увидели Аристида, стоящего в крепком маленьком суденышке с четырьмя гребцами, уже набравшем хороший ход. Вокруг царила суета: туда-сюда сновали лодки, летали брошенные канаты, гремели якоря. От берега их отделяло не более двухсот шагов.

– По тетрадрахме каждому из вас, если я ступлю на берег раньше Аристида, – сказал Кимон гребцам.

Предложение было соблазнительное – столько получали за два дня работы. Гребцы кивнули и взялись за работу с таким усердием, что море вскипело под веслами. Догнав и обходя лодку Аристида, Кимон сохранил бесстрастное выражение лица. Перикл старался не оглядываться, но ухмыльнулся, когда они подлетели к причалу. Кимон, торопливо поднявшись по ступенькам железной лестницы, ступил на камень. Верный слову, он бросил каждому из гребцов по тяжелой серебряной монете с изображением головы Геракла. Перикл вышел на берег следом за ним, последней была Фетида.

Оказавшись в чужой, незнакомой обстановке, она стояла рядом с ними, опустив голову и нервно переминаясь с ноги на ногу. Ожидая Аристида, Кимон задумчиво смотрел на женщину. Его лодка уже двинулась в обратный путь, но он слышал, как, проходя мимо стоящих на якоре кораблей Эретрии и Микен, гребцы предлагали свои услуги желающим попасть на берег.

– Если хочешь идти своим путем – препятствовать не стану, – сказал Кимон. – Решишь остаться с нами – здесь не брошу, доставлю в Афины. Тебе понадобится новая одежда, еда и место для ночлега, пока мы будем на острове. Я могу это устроить. Это не более чем воздаяние богам за наш безопасный переход и за помощь с гробницей Тесея.

Перикл улыбнулся. В Афинах Кимон заставлял друзей носить плотные плащи, а потом настаивал, чтобы они отдавали их первому встречному нуждающемуся. О его щедрости знали все, кроме, похоже, жителей Скироса, и теперь Фетида посмотрела на него с недоверием и даже подозрением.

– Я все еще под твоей защитой, афинянин?

– Если сама того желаешь, – ответил Кимон. – Я научился держать слово. На самом деле...

Женщина внезапно шагнула вперед и влепила ему пощечину.

Он удивленно посмотрел на нее:

– Зачем ты это сделала?

В его неподвижной позе таилась скрытая угроза, хотя Фетида, казалось, ничего не замечала.

– Ты убил моего мужа, афинянин. Или мужчину, которого я называла мужем. Пусть он немного для меня значил, но он был моим, а ты забрал его у меня, хотя он ничего плохого тебе не сделал.

Перикл уже шагнул, чтобы встать между ними и схватить ее за руку, но Кимон жестом остановил друга. К нему уже вернулось обычное спокойствие.

– Понимаю. Итак, теперь ты довольна? Или мне придется прикрывать спину всякий раз, когда ты окажешься так близко, чтобы напасть на меня?

Фетида моргнула. Перед ней стоял афинский стратег, полный здоровья и сил, сын афинского архонта. Его щека еще горела от ее пощечины, но он как будто уже забыл о случившемся и смотрел на женщину с едва уловимой иронией. Она поежилась.

– Я...

– И конечно, – с чуть большим нажимом продолжил Кимон, – я ожидаю, что ты сдержишь свое слово, так же как я сдержу свое. Некоторые считают, что женщины лишены чести, что они всегда нарушают обещания. Мои мать и жена называют их лгуньями. Итак, Фетида, дай мне слово, поклянись, что будешь вести себя хорошо. Я приму его. Никто не поднимет на тебя руки, никто тебя не обидит. И я высажу тебя там, куда ты пожелаешь отправиться.

Теперь покраснела она.

Из подошедшей к причалу лодки поднялся Аристид. Странная сцена привлекла его внимание, и он с интересом наблюдал за ее развитием.

– Я даю тебе слово, – сказала Фетида.

Кимон кивнул и повернулся, чтобы поприветствовать архонта:

– Рад видеть тебя целым и невредимым. По правде говоря, в какой-то момент я даже немного обеспокоился из-за непогоды.

Аристид присмотрелся к обоим афинянам. По всему причалу, разгоняя мрак, загорались масляные лампы. Старик понял, что у этой пары какие-то свои дела, которые несколько его не интересовали и вникать в которые у него не было ни времени, ни желания. У юных свои проблемы, и, может быть, все дело в присутствии этой поразительной молодой женщины, которая потупилась при его появлении. По какой-то причине – может быть, потому, что из-за Кимона его гребцы включились в безумную гонку, но так и не пришли первыми, – Аристид почувствовал, что вся компания вызывает у него раздражение.

– Как я уже сказал, мы едва ли не последние. Перикл, твой отец надеется увидеть тебя перед завтрашним собранием. Передать, что ты зайдешь к нему?

– Конечно, – ответил Перикл и с удовлетворением заметил, что Фетида посмотрела на него с интересом.

Кимон указал на заполнявшие бухту и порт корабли. Такое нашествие остров Делос видел впервые.

– Ты не сказал, зачем нас призвали, архонт Аристид.

– Правда? Я думал, что сказал.

Старик потер подбородок, подбирая слова:

– Мы здесь, чтобы принести союзническую клятву. Если нападению подвергнется кто-то один, остальные обязаны вступить в войну. В этом суть дела. Этому нас научили Саламин и Платей. Выстоять в одиночку не может никто, даже Афины. Но вместе мы одолели древнюю империю. Союз будет скреплен торжественной клятвой, запечатленной в железе. Один язык, один народ.

Перикл окинул взглядом корабли, пришедшие из тридцати или сорока городов и областей, но, как ни щурился, как ни всматривался в даль, так и не увидел тех, кого искал. Он видел их при Саламине, когда, стоя на дюнах, наблюдал за разворачивающимся сражением. В тот день они были в красных плащах.

– А где Спарта? – спросил он.

Аристид скривил рот, как будто высасывал кусочек хряща, застрявший между передними зубами.

– Эфоры отказались от нашего предложения, хотя твой отец лично ездил туда и пытался их убедить. Путешествие измотало его... – Аристид махнул рукой. – Такие гордецы, так высокомерны, хотя и не без основания. И все же вопрос слишком важен. Я сам сделал все, что только мог. Жаль, но мы обойдемся без них.

Кимон покачал головой. Он восхищался спартанцами больше, чем кто-либо другой, и даже взял за образец некоторые их приемы – в частности, установил жесткую дисциплину в собственной жизни, чего раньше ему определенно не доставало. На поясе у него висел спартанский нож-копис, которым можно было и срубить небольшое дерево, и убить человека.

– Спарта заслужила право быть во главе, – нахмурившись, сказал Кимон. – Ты был при Платеях, куриос. Ты знаешь.

Аристид посмотрел на него оценивающим взглядом. Бывший пьяница и беспутник, трагивший деньги на развлечения и женщин, стал серьезным молодым человеком и ничем не напоминал себя прежнего. Вот почему к замечанию Кимона Аристид отнесся со всем вниманием.

– Да, я был там, и я знаю. Платеи были чудом, как и Марафон до них. Но вспомни Саламин, вспомни флот, вспомни Ксантиппа и Фемистокла. Где была Спарта?

Кимон начал было отвечать, но Аристид продолжил:

– Их сила не во флоте. Афины – великая морская держава, и мы намерены возглавить союз – со Спартой или без нее. Здесь посланцы Фракии и Халкиды, Лемноса и Керкиры и еще многих других. Почти каждый город, каждый остров, каждое царство, где говорят на греческом, представлены здесь. Спарта не может рассчитывать, что останется в стороне. Мы делаем большое... – Аристид заставил себя остановиться, хотя энтузиазм его не угас. – Думаю, ты сам увидишь.

– Без Спарты это опасная игра, – невозмутимо сказал Кимон, которого не убедила речь Аристида. – Они воспримут это как вызов.

Он повернулся к Периклу:

– Я знаю твоего отца как благородного человека, но идти этим путем опасно.

Аристид попробовал объяснить иначе:

– Пока ты искал царей древности, мы с Ксантиппом создавали союз друзей, братство. Мы с ним – свидетели его рождения. При Марафоне твой отец командовал только афинянами, но на море? Флот, отправившийся на север против персов, состоял из кораблей тридцати государств и полисов. Те из нас, у кого были глаза, увидели нечто такое, что нужно сохранить.

Кимон предпочел не отвечать и, чтобы не спорить, отвернулся к морю. Высказывая свою точку зрения, он был скорее спартанцем, чем афинянином. Аристид, похоже, понял это, хотя и опечалился.

– Что ж, отведи свою рабыню, – сказал он. – Может быть, Ксантипп объяснит это лучше. В конце концов, идея принадлежит ему.

– Я не... – начала Фетида.

Перикл покачал головой, и она закусила губу и последовала за ними к дороге, которая вела вглубь острова. Вся она была усеяна огненными точками, уходящими вдаль. Поток мужчин и женщин направлялся из порта к великолепному храму Аполлона, бога оракулов, поэзии и солнца. Целителя и распространителя чумы.

8

Храм Аполлона оказался на удивление скромен для места рождения бога. Перикл ожидал увидеть по крайней мере город или что-то в этом роде, способное соперничать с великими храмами, украшавшими Акрополь до прихода персов. Ожидания не оправдались – он увидел незамысловатое, освещенное факелами белокаменное здание. Вытянутое, невысокое, крытое черепицей, без пристроек. Интересно, подумал Перикл, где же живут жрецы, если они вообще остаются на Делосе после окончания празднеств.

Под крышей портика их встретил стоящий на страже гоплит, которому Перикл назвал их с Кимоном имена. Гоплит, молодой парень, свои обязанности представлял смутно, но, по видимому, считал, что должен провести их дальше, и жестом предложил следовать за собой. Кимон едва заметно пожал плечами. Его позвали, он пришел. Что бы ни придумали за последний год Ксантипп и Аристид, он не нес за это никакой ответственности и только опасался, что эти двое в своих стараниях перегнули палку. Старики на склоне лет нередко заново переживают славу далекой юности и порой стараются поддерживать пламя слишком долго. Он с почтением относился и к Ксантиппу, и к Аристиду, но опасался их планов и амбиций, по меньшей мере в отношении к Спарте, которую ни один, ни другой так и не поняли.

Перикл замялся. Они привели с собой женщину и не знали, что с ней делать.

– Можешь подождать здесь, если хочешь, – нерешительно предложил он.

Гоплит наблюдал за происходящим с нескрываемым нетерпением, переминаясь с ноги на ногу.

– Хочешь избавиться от меня? – сказала она.

Перикл рассеянно кивнул; он уже всматривался в святая святых храма. В огромной медной чаше горел уголь, и в мерцающем свете он разглядел собравшихся группами людей, они разговаривали и выпивали. Вопрос Фетиды оставался без ответа, пока она не возникла в поле его зрения.

– Что? Нет, ты меня совершенно не интересуешь, – сказал Перикл. – Кимон дал слово доставить тебя в безопасное место. Я тоже имею к этому некоторое отношение. – Он махнул рукой. – Но не более того. Так что ты не моя забота. Подожди здесь.

– Вы оставите меня одну? В таком месте? Какая же это безопасность?

Перикл раздраженно посмотрел на нее. Вот же досада! Правда в ее словах была, хотя ему трудно было представить, что кто-то из приехавших гостей или стражников проявит интерес к одинокой женщине в такой важный для всех день принятия ответственных решений. В голосах, которые доносились до него, слышался говор по крайней мере дюжины областей. Если Аристид прав, то этот день и впрямь особенный... и надо увидаться с отцом.

Пока Перикл колебался, стражник напомнил о себе негромким покашливанием.

– Ладно, – сказал Перикл. – Пойдешь со мной. Держись рядом и молчи. Это ты сможешь?

Фетида, кивнув, улыбнулась. Улыбка так преобразила ее, что пораженный Перикл на мгновение замер.

Гоплит ждал, делая вид, что рассматривает потолок, а потом повел их по длинному центральному проходу.

Среди собравшихся Перикл заметил и нескольких немолодых женщин, две или три из которых, в изящных одеяниях, были, очевидно, жрицами Артемиды. Он услышал, как Фетида восхищенно ахнула, увидев женщину исключительной красоты: она вела беседу с богатым фракийцем. На поводке красавица держала олененка и, разговаривая, то наматывала на запястье, то разматывала кожаный ремешок, тогда как олененок, словно собачка, сидел у ее ног. Для поклоняющихся Артемиде в этой сцене не было ничего удивительного, но она усиливала ощущение нереальности, создаваемое горящими факелами, потрескивающими масляными лам-

пами, золотом и тенями. И посреди всего этого, возле неугасимого огня, стоял его отец Ксантипп. Афинский архонт выглядел еще более согбенным, чем помнилось Периклу, и тяжело опирался на трость из оливкового дерева с серебром.

Вторгаясь в разговор, гоплит-стражник низко поклонился, и по тому, как мужчины повернулись и сердито посмотрели на него, Перикл решил, что они о чем-то спорили. Ксантипп уже отмахнулся от гоплита, но затем увидел сына и Кимона, а еще Фетиду. Она пряталась за их спинами и изо всех сил старалась, чтобы ее не заметили.

На мгновение воцарилась тишина. Ксантипп молча смотрел на них, и Перикл ощущал себя под его взглядом как под давящим бременем.

– Перикл, – холодно произнес архонт. – Кимон. Вы хорошо справились. Я уж думал, вы не вернетесь.

– Я тоже рад видеть тебя, отец, – сказал Перикл.

Ксантипп как будто не услышал и снова повернулся к собеседнику.

– Цеферус, это Кимон, сын покойного архонта Мильтиада, который командовал при Марафоне. Его спутник – мой младший сын Перикл.

Представлять своего спутника Ксантипп не считал необходимым, из чего следовало, что либо Цеферус занимает некое высокое положение, либо Ксантипп так и не научился относиться к сыну как к мужчине. Не укрылось от Перикла и то, что отец представил их обоих как чьих-то сыновей, словно сами они ничего собой не представляли. К такому отношению со стороны родителя он привык, но невнимание к Кимону отозвалось уколом негодования. Кимон командовал частью флота при Саламине, и Ксантипп был обязан проявить к нему уважение.

Цеферус кивнул молодым людям, довольный перерывом в их с Ксантиппом непрестомом обсуждении, и скользнул взглядом по Фетиде. От вопросов он воздержался, предпочтя сделать собственный вывод.

– Слышал, вы привезли с собой кое-что, – сказал Цеферус.

Брови у Перикла от удивления поползли вверх, и Цеферус рассмеялся:

– Слухи бегут быстрее огня. Быстрее, чем вы могли бы убежать из порта. Значит, правда? Это Тесей?

Ксантипп повернул голову, и в его глазах мелькнул живой интерес. Что ж, по крайней мере один человек эту новость услышал впервые. Занятому важными делами, его отцу определенно было не до праздных пересудов. Усталый вид Ксантиппа подтверждал эту догадку Перикла.

– Да, верно, – ответил Кимон, решив принять участие в разговоре. – Мы нашли его под обработанным камнем на холме, возвышающемся над морским побережьем. В могиле лежал воин необычайных размеров, в афинских доспехах.

Он поднял руку, и Перикл увидел толстое золотое кольцо, которого не замечал раньше. Вероятно, Кимон нашел его в останках, когда Перикл уже ушел от места захоронения.

– Оно принадлежало ему, – добавил Кимон.

Постукивая палкой по каменному полу, Ксантипп вышел вперед и, наклонившись, принялся рассматривать кольцо. Цеферус присоединился к нему.

– Сова, – пробормотал Ксантипп. – Печать царя Афин...

В голосе отца прозвучало изумление, и Периклу это доставило огромное удовольствие.

– ...Однако ты не имеешь права его носить.

Улыбки застыли на лицах, когда он протянул руку.

– Отец, я не думаю... – начал Перикл.

Кимон же снова надел маску, которая скрывала все эмоции, и покачал головой:

– Нет, Перикл. Архонт Ксантипп, конечно, прав. Я не имею права владеть им только потому, что нашел. Оно принадлежит Афинам. Возьми, куриос.

Он передал кольцо Ксантиппу на глазах у собравшейся вокруг них небольшой толпы. Маленькая сценка не осталась незамеченной, и они вдруг оказались в центре внимания.

Ксантипп спрятал кольцо в мешочек и склонил голову. Кимон явно произвел на него впечатление.

– Спасибо. Ты напоминаешь мне моего сына Арифрона. То же чувство долга.

Он выдержал паузу и продолжил:

– Когда вернемся домой, я попрошу собрание проголосовать за выделение средств на новый храм со статуей Тесея на Акрополе. Мне трудно выразить словами, как это важно.

Взгляд его потерял ясность и ушел в никуда, а Перикл получил еще одно подтверждение того, как сильно постарел отец. Рука, державшая новую трость, заметно дрожала.

Наконец Ксантипп стряхнул с себя оцепенение и сказал:

– Добро пожаловать на завтрашнюю церемонию. Клятва будет принесена на суше, но скреплена печатью на борту кораблей. Думаю, посмотреть интересно. Будет о чем рассказать детям.

– Рад слышать, – сказал Кимон, – вот только может ли какой-либо союз быть по-настоящему законным без Спарты?

Казалось, храм объяла тишина. Не слышно было даже эха шагов. Только уголь в огромной чаше шипел и потрескивал. Перикл сглотнул. Кимон выдержал холодный взгляд его отца, не выказав ни малейших признаков слабости, напоминая, что отдал ему кольцо Тесея не из страха, а по доброй воле и собственному желанию. В присутствии знатных особ, в том числе Ксантиппа, архонта Афин, Кимон не оробел и не смутился.

– Мы свободные люди. Хочу напомнить тебе, что я просил Спарту присоединиться к нам наряду со всеми остальными государствами Пелопоннеса. Они предпочли отвернуться. Что ж, нас от этого не убудет. Наша клятва останется такой же крепкой, а цель неизменной. Завтра мы создадим нечто такое, чего еще не бывало в мире. Думаю, тогда ты поймешь.

Разговоры возобновились, звякнули чаши, зазвенел смех. Ксантипп чуть повернул плечо, закрываясь от двух молодых людей, и, наклонив голову, продолжил прерванный разговор. Кимон замер на мгновение, словно от оскорбления. Он хотел сказать что-то еще, но развернулся и ушел.

Перикл остался с Фетидой. Он принял кубок вина от прислужника и опустошил его до дна. Фетида посмотрела на него с молчаливым вопросом в глазах, и он отвел ее подальше, чтобы их не услышал отец.

– Какой суровый, – сказала она.

– Он не был таким... – возразил Перикл, задетый ее словами. – Ты не знала его другим. Я был ребенком, когда его изгнали из Афин. Слабый человек затаил бы обиду и смотрел бы на все со стороны. Но он забыл гордость и, когда его позвали, вернулся, потому что никто другой не мог взять на себя командование флотом.

– Для тебя он герой.

Теперь она стояла ближе к нему, и он чувствовал запах роз, как будто жар ее тела усиливал аромат. Интересно, где она нашла розовое масло за то короткое время, что прошло после их высадки на Делос?

– Он великий человек, независимо от того, что я думаю. И не важно, что он думает обо мне.

Фетида погрузилась в размышления, и между бровями у нее появилась морщинка. Заговорив, женщина оборвала себя на полуслове.

– В чем дело? – нахмурился Перикл.

Фетида вздохнула:

– Мужчина, которого я называла мужем... приходил ко мне со всеми своими горестями и беспокойствами, и мы обсуждали их вдвоем, ночью, в тишине. Старая привычка. Я едва не стала обсуждать твои проблемы с тобой. Извини.

– Так он не был твоим мужем по-настоящему?

Она покачала головой:

– Он похитил меня. Я была глупой девчонкой и, пока мой отец торговал, собирала ракушки на берегу. Гиппоник поймал меня, как рыбку в сеть. Потом был какой-то обряд, и я назвала его мужем. В нем еще оставалось немножко доброты.

Мысли ее, похоже, обратились в прошлое, и Перикл спросил себя, была бы она так интересна ему, не будь так привлекательна. Проклятие мужчин – видеть в красоте нечто большее, чем она есть. Если ее похитили девчонкой, понимала ли она вообще, что случилось.

– Ты жалеешь, что он мертв... – предположил Перикл.

Фетида горько усмехнулась:

– Он был моей защитой на острове. Я научилась угождать ему, чтобы он меня не бил. Понимаешь? Нет, конечно, ты не понимаешь. Если бы я не принадлежала ему, нашлась бы дюжина других мужчин, которые брали бы меня силой. С ним мне было безопаснее, вот и все. Теперь я понимаю, что его больше нет. Знала бы, что ты возьмешь меня на борт, наверное, не стала бы убегать.

Ее слова напомнили Периклу об Аттикосе. Вот у кого кровь кипела от злости. И доброты в нем было, возможно, меньше, чем в том, кого Фетида называла мужем. Кимон тоже мог быть безжалостным, о чем она, похоже, забыла. Но чутье ее не подвело – она правильно сделала, что убежала.

Кимон, вернувшись и увидев их вместе, криво усмехнулся. Его сопровождал храмовый прислужник, мальчик со свечой.

– Похоже, нам здесь определили какой-то закуток. Один на троих. Больше ничего подходящего нет. Я лягу на полу. Идемте. Не знаю, что там задумал твой отец, но начнется это рано утром.

Перикл, последовав за Кимоном и Фетидой, внезапно остро осознал, что ему придется провести с ней ночь в темной комнатке. Сможет ли он вообще уснуть?

* * *

Он проснулся в темноте и не сразу понял, почему лежит на тюфяке, а не на качающейся палубе, завернувшись в плащ. После нескольких проведенных в море недель комната тоже как будто покачивалась. Перикл моргнул и замер, прислушиваясь к тихим ритмичным звукам, разбудившим его. Поняв их природу, он стиснул зубы, сдерживая злость и возмущение, чтобы не поддаться гневу и не вскочить. Единственное маленькое окошко находилось высоко, почти под потолком, но звездного света вполне хватало, чтобы разглядеть движущиеся под одеялом фигуры. Ревность пронзила Перикла насквозь. Тихо-тихо, как только мог, он повернулся лицом к стене, злясь на них обоих и на самого себя. Прошло немало времени, прежде чем тишину нарушил приглушенный вскрик. Потом они затихли, а он так и не смог больше уснуть.

9

Когда Перикл открыл глаза, комната была пуста. Он выругался, испугавшись, что опоздал. Облегчившись в высокий горшок, собрался выходить, но услышал шаги. Дверь открылась, и Фетида, придерживав ее ногой, внесла чашу с горячей водой.

– Сядь. Время еще есть.

К себе она прижимала пузырек с маслом, в зубах держала бритвенный нож. Поставив чашу на приставной столик, Фетида жестом указала на табурет. В этот момент в комнату, вытирая лицо и шею тряпицей, вошел Кимон. Выглядел он посвежевшим и жизнерадостным. Оба – и она, и он – делали вид, будто ничего не случилось и все осталось как было.

Перикл сел и уставился в стену перед собой, а Фетида, наклонившись ближе, принялась смазывать маслом его кожу. У Кимона щеки и подбородок уже были выбриты. Стратег отличался тем, что не носил бороды. Для большинства афинян борода была знаком зрелости и ответственности, и они дорожили ею и заботились о ней. Перикл тоже пытался отпустить бороду, наглядно показать, что он взрослый мужчина, а не юноша с пухлыми щеками. Единственная трудность заключалась в том, что борода не росла.

Бритва в руке Фетиды напоминала лезвие топора с длинным изогнутым концом, так что она держала ее надежно даже влажными от масла пальцами.

– Ты и раньше это делала, – сказал Перикл, когда она остановилась, чтобы вытереть лезвие краем перекинутой через плечо тряпицы.

– Мой муж был бедняком, по твоим понятиям, но считал, что носить бороду летом слишком жарко. Бритье было роскошью на острове, и когда у нас наконец появился нож вроде этого, я брила его каждый день.

Фетида прошлась лезвием по его щекам и подбородку. Пальцы у нее были сильные и ловкие, и Перикл все острее ощущал растущее раздражение, к которому примешивались ревность и желание. Кимон явно не принуждал ее. Почему же тогда она предпочла Периклу мужчину постарше? Еще недавно ему казалось, что между ним и Фетидой возникло неясное притяжение, но выяснилось, что он сильно ошибался. Откровение прошлой ночи беспокоило его. Он чувствовал себя глупцом или даже ребенком, исключенным из мира взрослых. Ясно было одно: завести разговор на эту тему означало бы потерять остатки достоинства.

– Поесть не успеем, – сказал Кимон. – Твой отец уже на ногах, если вообще ложился. Все направляются в порт, чтобы скрепить этот их, как они называют, союз.

– Наш, – поправил Перикл.

Относясь к Кимону с большим почтением, соглашаться с ним в это утро он не хотел.

– Вероятно, да, хотя, по-моему, они напрасно отталкивают Спарту.

– Может быть, Спарты не особенно касается то, чем мы занимаемся здесь.

Кимон удивленно посмотрел на друга.

Перикл пожал плечами и вдруг зашипел от боли. Струйка крови потекла по щеке, и Фетида промокнула ее тряпкой, которую Кимон, не говоря ни слова, вложил ей в руку.

– Этот союз создается не только для торговли, но и для войны, – сказал Кимон мягко, но в его словах послышался упрек. – А на войне командует Спарта. Как, по-твоему, они отнесутся к созданию союза без них? Такое решение задает их честь. Мы не смогли бы победить при Платеях без них. Персы бы победили и завоевали нас. Это правда, а не какая-то похвальба. Аристид должен это понимать. И твой отец...

– Мой отец очень хорошо знает, кто его союзники и кто враги. Спартанцы сражались бок о бок с афинскими гоплитами, и не только с ними. Да, они победили! Я благодарю богов за это. Они вышли из-за своей стены, потому что Афины пригрозили скорее перейти к Персии, чем допустить сожжение нашего города в третий раз. Мы пристыдили спартанцев и втянули

их в войну. Не забывай об этом. Они зашевелились только тогда, когда испугались, что наш флот окажется в руках персидского царя! Друг и союзник так себя не ведет. Мой отец собирает великий союз ради общего блага. Теперь я понимаю.

– Что на тебя нашло сегодня? – спросил Кимон.

Перикл ничего не ответил, опасаясь опуститься из-за ревности до мелочных придирок. Он был прав. И даже если он зол на них обоих, на его правоте это никак не сказывалось.

– Ничего, – буркнул Перикл.

Он потер подбородок и невнятно поблагодарил Фетиду, стараясь не встречаться с ней взглядом.

– Идем. Одобряет это Спарта или нет, я хочу, чтобы этот афинский союз образовался поскорее.

Увидев, что Фетида принесла зубную палочку и горячую воду, он поковырял острым концом палочки между зубами и наконец избавился от кусочка хряща, уже давно его беспокоившего. Передав палочку Кимону, он прополоскал рот горячей водой, окунул обе руки в чашу и провел ладонями по волосам.

– Готовы? – спросил Перикл.

Кимон кивнул, а Фетида промолчала и только прикусила губу, удивляясь перемене в его настроении.

Перикл вышел из маленькой комнаты первым. Солнце едва показалось из-за горизонта, но улицы острова уже были запружены людьми. Народу на Делосе собралось гораздо больше, чем он предполагал. Цари, царицы и члены собраний – все они прибыли со слугами и рабами. Мужчины и женщины шли пешком, или их перемещали на носилках в соответствии с обычаями. А собрал их всех здесь один человек, напомнил себе Перикл. Не Кимон, не Аристид и не кто-то другой. Его отец, Ксантипп.

Ему показалось, что Фетида окликнула его по имени, но он не обернулся.

* * *

На пристани Перикл увидел отца в компании Аристида и дюжины священников. Большинство из них были последователями культов Аполлона и Ареса, но он узнал также жреца Аида и жрицу Афины, почтенную женщину с высоким шлемом на голове и в белом одеянии. Пребывая в отвратительном настроении, Перикл направился напрямик к этой группе и без колебаний встал рядом с отцом. Ксантипп взглянул на него и ничего не сказал, но прогонять сына старик не стал.

Толпа из пожилых мужчин и женщин росла на глазах, и уже казалось, что на пристани собрались едва ли не все капитаны и члены команды, все архонты и представители известных семей.

В море, на кораблях, едва лишь золотой блеск разлился над горизонтом, экипажи встали навытяжку.

Жрецы Аполлона завели утреннее песнопение, приветствуя наступающий день, дар их покровителя. Собравшиеся на берегу склонили голову, наслаждаясь перспективой согреться после прохладной ночи. Оглянувшись, Перикл увидел в нескольких рядах позади себя Кимона. Стратег стоял с серьезным видом, сдвинув брови, прекрасно понимая, какое великое событие происходит у них на глазах.

В завершение утреннего песнопения несколько вспотевших жрецов вывели быка, протяжным мычанием выражающего скорбное замешательство.

Сильное, крупное животное казалось изрядно исхудавшим из-за проступающих под кожей ребер. Возможно, его привезли на остров морем, подумал Перикл. Путешествие в трюме

животные переносили плохо, в отличие от людей, которым лишения и новизна шли, похоже, на пользу.

На бронзовых плитах зажгли огонь, на голову быка пролили вино и посыпали зерна ячменя. Все делалось торжественно и в полном соответствии с ритуалом, за соблюдением которого наблюдали боги. Обращаясь с молитвами ко всему пантеону, жрецы просили благословения и мудрости для собравшихся в этом месте, на священном побережье.

Затем вперед выступили и, склонив голову, повернулись к толпе Ксантипп и Аристид. Оба выглядели усталыми, но воодушевленными. Один за другим жрецы и жрицы подходили к ним и благословляли, помазывая маслом или окропляя каплями воды, собранной с фенхеля и шалфея. Наблюдая за всем этим, Перикл внезапно осознал, что пропустил все встречи и обсуждения, проходившие в предыдущие месяцы. Он ничего не знал о планах отца. Вот почему он, как и Кимон у него за спиной, был чужим среди этих людей. Тем временем все, от царя до раба, прибывшие из сотен разных мест, с почтением и почти благоговением смотрели на двух афинских архонтов. Перикла переполняла гордость, и он надеялся, что Кимон и Фетида разделяют с ним это чувство. Всеми собравшимися здесь командовал его отец. И хотя Ксантипп постарел с тех пор, как они виделись в последний раз, сила в нем еще проявлялась.

Сжимая в правой руке трость из оливкового дерева с серебром, Ксантипп поднял левую и заговорил:

– Некоторые из нас стояли на палубах или на суше, когда Персия пришла, чтобы сделать нас рабами.

Его голос гремел когда-то над полем битвы при Марафоне и сейчас звучал уверенно и сильно, без дребезжащих старческих ноток. Как раньше, так и теперь Ксантипп умел привести толпу в восторг. Время как будто остановилось, и Перикл был рад, что вернулся.

– Тогда мы стояли вместе, потому что поодиночке мы бы не выстояли. Вместе мы вывели в море флот, равного которому никто из нас не видел прежде. По моим подсчетам, триста кораблей. Те из вас, у кого не было кораблей, садились гребцами или сражались бок о бок с афинянами. Те из вас, кого не было там, присылали продукты и добровольцев, откликаясь на наш зов. Это важно! Мы обращались за помощью, потому что у нас не было выбора. Персидский царь сжег мой город. Не один раз, а дважды. Афиняне бежали на крошечный остров, ненамного больше этого, где ждали решения своей судьбы и просто... надеялись. Моя жена, мои сыновья...

Возможно, только Перикл и кто-то из афинян знали, почему голос у Ксантиппа сорвался, остальные же ничего не заметили, потому что пауза длилась лишь мгновение.

– Моя семья ждала на дюнах Саламина, не зная, чьи воины высадутся на острове – наши или персы, которые станут грабить и насиловать.

Он оглядел притихшую толпу – никто не пошевелился. Только бык мычал в стороне, и этот жалобный звук накладывался на равнодушный шорох набегающих на берег волн.

– Если вас не было на Саламине, то, возможно, вы пришли к нам в Афины, где мы собрали армию и пошли войной на Персию. Возможно, вы предоставили продукты, серебро или вино. Все вы сыграли свою роль – никто из вас не отвернулся. Не было и не будет другого такого братства, как это. Персия пришла уничтожить нас, но вместо этого... связала нас вместе, сильнее, чем когда-либо раньше. Я называю вас братьями, потому что мы знаем одних и тех же богов, у нас один и тот же язык. У нас одни и те же предки. С этого дня я называю себя афинянином – и эллином. Я буду братом, мужем и сыном для всего нашего народа.

Он улыбнулся, и у Перикла отлегло от сердца. Он уже давно не видел у отца других проявлений эмоций, кроме кипящего гнева или разочарования. И вот теперь, услышав радость в его голосе, Перикл едва не обронил слезу – об утраченном навсегда.

– Я призываю вас сейчас, – продолжил Ксантипп, возвышая голос, – в живом присутствии богов и их жрецов, как и было согласовано, произнести священную и вечную клятву,

связать наши нити в одну золотую вервь – навечно, до конца света. Создать и поддерживать союз эллинов. Вносить доли, определенные в соответствии с нашими силами, и обращаться за помощью в соответствии с потребностями. Все, как один.

С палубы пришвартованного к причалу корабля дюжина гоппитов в начищенных до блеска доспехах спустилась по дрожащему деревянному мостку. Они несли огромную глиняную урну, из тех, что использовались при голосовании по остракизму в Афинах. Даже пустую ее держали на длинных шестах, просунутых в железные ручки, шесть человек. Урну поставили на причал, и Ксантипп кивнул Аристиду. Тот подал знак, и с корабля сошли еще несколько гоппитов, которые несли набитые битком мешочки. Останавливаясь по одному перед урной, они переворачивали мешок, направляя серебряную струю в урну. Перикл оглянулся и увидел, что Кимон удивлен так же, как и он.

По меньшей мере тридцать мешков с серебряными монетами опустошили афиняне, прежде чем гоппиты отступили. За ними последовали другие. Вклад каждого отмечали на листе папируса – напротив названия города-государства. Одни высыпали дюжину мешков, другие – четыре-пять или даже меньше. Стоявший возле урны Аристид обменивался с каждым представителем несколькими словами и высказывал благодарность. Все выглядели довольными и явно гордились своим участием в общем деле. Ни у кого Перикл не заметил обиды. И никто не превзошел взнос Афин.

– Это наша сокровищница, – снова обратился к собравшимся Ксантипп. – Сумма достаточная, чтобы соблазнить воров и врагов, в этом у меня сомнений нет. После нашего ухода серебро останется здесь, в храме Аполлона на Делосе. Как мы договорились, управлять деньгами будут десять человек из Афин, и афинские корабли будут находиться в этих водах, обеспечивая их безопасность. Без разрешения братства никто на остров не высадится. Никто не возьмет из казны ни одной серебряной драхмы, если не будет решено, что он имеет на это право. Каждый год мы будем возвращаться с такой же десятиной – и через год, и через тысячу лет. Это наша клятва, принесенная серебром здесь, на родине Аполлона, перед лицом всех врагов. От имени ваших благородных домов, ваших городов, ваших царств и ваших душ повторите эти слова.

Он взял паузу. Перикл смотрел на отца и не узнавал его. Согбенный, обремененный годами, Ксантипп стоял, выпрямившись во весь рост и высоко подняв трость.

– Мы – одно братство, один союз.

Они повторили эти слова, и у некоторых на глазах выступили слезы.

Склонив голову, Перикл произнес эти слова вместе с остальными.

– В этом священном месте мы приносим священную клятву – стоять, как один, в мире и войне...

Ксантипп снова сделал паузу, чтобы люди повторили за ним.

Солнце поднималось все выше, и легкий ветерок дышал теплом на кожу.

– Возвращаться в это святое место каждый год, в один и тот же день, чтобы внести свой вклад – от каждого по его силам, для поддержания мира и флота.

Перикл повернул голову и увидел, что Фетида произносит эти слова вместе с ним. Он нахмурился. Она не представляла ни город, ни народ и не имела права участвовать в церемонии. В толпе находились и другие женщины, но они были царицами или жрицами, стоявшими намного выше мелких ограничений, установленных обычаем. Поведение Фетиды, поставившей себя наравне с ними, можно было счесть насмешкой. Перикл напрягся и бросил на нее сердитый взгляд, но сказать ничего не мог – его отец снова заговорил.

– Мы даем эту клятву по доброй воле... Зевсу и Гере, Аполлону и его сестре Артемиде. Мы даем эту клятву Афине, Посейдону, Аресу и Деметре, кузнецу Гефесту. Мы даем эту клятву Афродите и посланнику Гермесу. Мы даем ее Дионису и Гестии – вину и очагу. Мы приносим эту клятву навек, до конца всего сущего, до последнего дня.

Собрание повторило последнюю строчку. Наступила тишина. Перикл сглотнул. К таким словам всегда относились с полной ответственностью. Десяток поколений назад один из предков его матери нарушил клятву, и об этом помнили до сих пор. Присутствующие связывали клятвой не только себя, но и своих потомков, всех без исключения и без права изменить даже одно слово. Боги бывают злобны и мстительны в отношении тех, кто нарушил данную им клятву. И если в обычные времена они еще сдерживали свой гнев, то клятвопреступление влекло за собой самые тяжелые последствия. Города предавались огню, земли засаливались, развязывались войны, в результате которых целые народы обращались в прах или рабство. Слова, произнесенные этим мягким утром здесь, на Делосе, не были пустым сотрясением воздуха.

– Мы пришли сюда как сотня отдельных народов, мы уйдем как один.

Собрание повторило и эти слова. Ксантипп сделал шаг в сторону и опустил трость, давая понять, что церемония принесения клятвы закончена.

– Подайте железо, – распорядился он.

Несколько человек повторили и эти слова, другие рассмеялись, и внезапно все заулыбались, ощутив странную легкость после страха и благоговейного трепета, вызванных ужасной связующей клятвой. Перикл узнал железные блоки, которые несли через толпу. Их взяли из самых глубоких трюмов и впервые за все время подняли на свет. На военных кораблях они использовались в качестве балласта, повышая остойчивость судна. Сейчас их несли на сплетенных в форме колыбели веревках. Руки гоплитов, когда они опустили плиту на землю, напоминали бледную, неживую плоть.

Перикл оглянулся и увидел Кимона и Фетиду, которые, пробившись через толпу, встали рядом с ним. Кимон вопросительно вскинул брови. На причале лежало, наверное, около семидесяти балластных блоков.

– Я не знаю, – сказал Перикл.

Фетида наклонилась ближе, чтобы расслышать, и он вдруг разозлился и, понизив голос едва ли не до шепота, пробурчал:

– Я только знаю, что тебе не нужно было произносить клятву.

– Но я не вижу здесь Фив, – прошипела она в ответ. – Может, я говорила от имени Фив.

От наглости этого заявления Перикл на мгновение лишился дара речи. Он видел, что его отец готовится завершить церемонию, и не хотел втягиваться в спор, но то, что она сказала, было непростительно. С другой стороны – и он тоже осознал это лишь сейчас, – Фетида сказала правду. Отсутствовали не только Фивы. Что еще важнее, не прислали своих представителей Коринф и Аргос. А если добавить еще и Спарту, то получалось, что в стороне остались все основные державы Пелопоннеса. Таким образом, новый союз был, прежде всего и в первую очередь, морским братством, союзом городов побережья Эгейского моря.

Уязвленный тем, что женщина заметила то, что прошло мимо его внимания, Перикл раздраженно посмотрел на нее и сердито прошептал:

– Ни за кого ты здесь не говорила. Даже не за Скирос.

Она поджала губы и насупилась, став похожей на непослушного ребенка.

На пристани Ксантипп поднял руки, и толпа успокоилась. Архонт кивнул, и к нему подошел и встал рядом высокий мужчина крепкого телосложения. Здоровяк поставил на один из блоков нечто напоминающее металлический штырь. Второй мужчина поднял молот и с силой ударил по штырю. После нескольких ударов штырь убрали, а в блоке осталась дыра. Пара перешла к следующей пластине.

– Забрав балласт, – произнес Ксантипп, – вы будете носить символ этого союза в своих трюмах и знать, что мы делаем то же самое. Перед возвращением на корабли каждый из вас оставит один из этих железных блоков на морском дне у Делоса. Как мы и договаривались,

они являются символом нашей веры. И пока они не превратятся в ничто, мы будем стоять как одно целое.

Слова его были встречены одобрительными возгласами, после чего собравшиеся стали расходиться, словно после большого празднества. Люди хлопали друг друга по спине и подходили со словами благодарности к Аристиду и Ксантиппу. Гоплиты занялись железными блоками; забирая по паре отмеченных дырой, они разносили их по кораблям вдоль причалов или стояли, терпеливо дожидаясь своей очереди.

Перикл подумал, что закончат они, пожалуй, только к вечеру. Железные пластины вполне могли потопить небольшую лодку.

Та же мысль пришла и в голову Кимону.

– Придется мне забрать парочку этих, пока не привезу свои. Не побудешь со мной? Думаю, здесь всем хватит.

Перикл кивнул, хотя и взглянул на Фетиду из-под насупленных бровей. Кимон произнес клятву, имея на то полное право как афинский стратег.

– Я не... – начал Перикл и осекся, увидев, что Кимон повернулся к морю и побледнел.

Перикл резко обернулся. Люди на пристани кричали и указывали на что-то пальцами.

Корабли, появившиеся в поле зрения, не были персидскими. Военный флот Персии здесь встретили бы свирепыми ухмылками. Нет, все было гораздо хуже.

Дюжина кораблей обогнула побережье под парусами, наполненными ветром и в лучах утреннего солнца. У шести из них паруса были красные.

Спарта и Коринф все-таки прибыли.

– Что ж, – горько усмехнулся Кимон, – полагаю, сейчас мы увидим.

Он посмотрел на Перикла и добавил:

– Надеюсь, твой отец знает, что делает. Взгляни на этих гоплитов на берегу! Львы сделались ягнятами.

Кимон указал на толпу на набережной. Радость и гордость сменились испугом. Это было видно по тому, как стоят одни и спешат другие. Но гоплиты продолжали разносить плиты. Что бы ни думала Спарта и что бы Спарта ни делала, клятва была принесена.

10

Принять всех собравшихся на Делосе капитанов было для Павсания делом нелегким. Даже на флагманском корабле для такого собрания не хватило бы места. Переговоры заняли бо́льшую часть дня, и к тому времени, когда два спартанских судна бросили якорь и пришвартовались бортами друг к другу – Перикл назвал это «еще одной танцевальной площадкой Ареса», – уже стемнело. Остальные пришедшие с Павсанием корабли окружили эту сдвоенную пару. Триерархи из таких далеких мест, как Фракия и побережье Ионии, смешались с капитанами из Афин, Эретрии и Левктры.

Сам Павсаний стоял на носу флагманского корабля, поставив одну ногу на ступеньку – на случай, если придется подняться еще выше. Вместе с ним был прорицатель Тисамен, выглядевший так, словно он лишь вчера победил в Олимпийском пятиборье, хотя с тех пор прошло уже немало лет. Большинство собравшихся знали, что дельфийский оракул пообещал Тисамену успех в пяти состязаниях. Триумф при Платеях был для него первым, и знавшие историю прорицателя сочли его присутствие добрым предзнаменованием. Человек, которого коснулось пророчество, был бы удачным выбором для любого начинания. Сам Аполлон пометил его для славы.

Палуба заскрипела, когда Перикл забрался на борт, ухватившись за руку спартанского воина, чтобы не рисковать и не оказаться, сорвавшись, в объятиях Кимона. Из-за жестких, шершавых мозолей ладонь спартанца больше напоминала старую кожаную рукавицу, чем руку человека. Подняв Перикла, он протянул ладонь следующему афинянину.

Следом за Кимоном поднялась Фетида – в свободном одеянии жрицы Артемиды, которое ей выдали в храме, когда она попросила что-нибудь чистое. Одеяние было тяжелое, и если бы женщина упала в море, то наверняка бы утонула. Не рассчитав силу, спартанец едва ли не швырнул ее на палубу, и она с трудом устояла на ногах. Перикл только вздохнул и уставился на звездное небо. Но оставить ее на борту с Аттикосом они не могли. Старый гоплит наблюдал за женщиной со Скироса с недобрым умыслом, и на флоте у него хватало приятелей и должников. Перикл не доверял ему. На каком бы корабле они ни оставили Фетиду, Аттикос мог добраться до него на небольшой лодке. Конечно, учитывая его сломанную ногу, шансы у них были примерно равны, но проблема заключалась в том, что, если бы ей удалось сбросить его за борт, Кимону пришлось бы ее повесить. Именно из такого рода ситуаций и выросло широко распространенное убеждение, что женщина на борту к несчастью. В любом случае им ничего не оставалось, как взять Фетиду с собой.

До сих пор Перикл ни словом не обмолвился о событиях прошлой ночи. Никаких признаков какой-либо новой привязанности между Кимоном и Фетидой заметно не было, но и сомневаться в своих воспоминаниях он не мог. Все случилось на самом деле. Чего Перикл не мог понять, так это почему он все еще смотрит на эту женщину с тоской и желанием. Мужчина, говорил он себе, должен уметь закрывать такого рода двери. Она – не его.

Он поймал себя на том, что опять пялится на фивянку. Перикл мог бы поклясться, что смотрит на нее не чаще, чем на Кимона, но получалось так, что Фетида притягивала его взгляд снова и снова. Оставалось только надеяться, что она этого не замечает.

– Перикл? Ты с нами? – похлопал его по плечу Кимон, выводя из задумчивости. – Идем, пока здесь еще не все собрались. Если бы сейчас подошел персидский корабль, он бы запросто отправил на дно дюжину мелких царей и благородных архонтов.

Ситуация действительно сложилась странная, и Кимона это забавляло. Втроем они медленно двинулись к носу через плотную толпу. Идя последним, Перикл изо всех сил старался не смотреть на Фетиду в ее облачении жрицы. Нет, ему нужно выбросить ее из головы!

* * *

Аристид и Ксантипп стояли рядом с Павсанием, с почтительным достоинством внимая словам спартанца. На этих двух палубах собрался весь Делосский союз. Но для того ли прибыли спартанцы, чтобы присоединиться к симмахии?

В свете факелов внушительная фигура Павсания привлекала к себе общее внимание. Железная решетка, державшаяся на железном же стержне, была сдвинута вверх и тускло мерцала, отражая пламя углей в жаровне. Когда же спартанец склонялся над бортом, огненные блики разбегались по воде. На темном море они выглядели лужей пролитого золота. Цари и военачальники ждали, когда Павсаний заговорит. Свет падал на него сверху и немного сзади, и лицо Павсания оставалось в тени, даже когда он кивнул Аристиду и тем, кого знал. Тисамен тоже поднял руку, приветствуя кого-то в толпе. Возможно, это была уловка и таким образом прорицатель напоминал о связывающих их узах, а возможно, он действительно узнал кого-то, вместе с кем смотрел при Платеях в лицо персидскому войску. Они выжили, когда думали, что умрут. В каком-то отношении эти узы связывали так же крепко, как клятва Делоса.

Павсаний немного нервничал. Он был регентом при сыне Леонида, при Платеях же не признавал над собой ничьей власти. Но здесь, на Делосе, он встретился лицом к лицу с вождями Афин и семидесяти городов и царств. Как далеко заведет его свойственная спартанцам самоуверенность? Перикл не знал.

– Я благодарю богов за то, что вижу здесь так много друзей, живых и в добром здравии, – начал Павсаний.

Его зычный голос, казалось, был создан для того, чтобы обращаться к толпе. Перикл считал голос одним из лучших своих качеств, и видеть, как таким же даром с успехом пользуется другой, было неприятно. Павсаний доказал свою храбрость на войне. Он вел за собой людей точно так же, как это сделал Кимон. Временами казалось, что Периклу так никогда и не представится случай проявить себя перед Фетидой. Если... Он поймал себя на том, что мысли приняли странный оборот. Она стояла прямо перед ним, и в свете носового факела ее фигура вырисовывалась под белым одеянием. Перикл положил руку ей на талию, представив, как обнимает и притягивает ее к себе. Все его тело пылало жаром, а по щеке, почти как слеза, пробежала струйка пота.

– Некоторые из вас узнают меня по Платеям, – продолжил Павсаний. – Те, кто был там в тот день, кто стоял со мной против персов, знают, что я – человек не опрометчивый. Спросите любого из совета Афин – они подтвердят. Я сам выбираю время – когда ждать и когда выступать, следуя в этом воле богов. На войне командует Спарта, и я – сын Спарты здесь, среди вас. Я вижу разные лица и разные облачения – вы все знаете меня: кто-то слышал обо мне от других, кто-то сражался рядом со мной.

Перикл нахмурился – Павсаний говорил так, как будто это он, а не Ксантипп, собрал их вместе на Делосе. Как будто они добирались сюда, чтобы выслушать речь спартанца. Тем не менее его выступление произвело должное впечатление, и Перикл видел это своими глазами. Павсаний сделал их всех частью судеб великих людей. Он обращался к ним не как к равным – Перикл слишком хорошо знал высокомерие спартанцев, – а как к соратникам, братьям, которые объединились ради великого предприятия. Именно таков и был дух Делоса, и Перикл мог только гадать, взял ли спартанец нужную ноту случайно, почувствовав настроение толпы, или Аполлон и Арес своим благословением вложили в его уста правильные слова. Никто не мог отрицать невероятную, невозможную победу при Платеях. И семя победы посеял сам Павсаний, который первым привлек на свою сторону Тисамена, истолковав слова оракула так, чтобы они устраивали их обоих. Возможно, из них двоих именно Павсаний был настоящим любимцем богов. Сейчас в его присутствии улыбались и капитаны, и цари.

– Я вижу среди вас тех, кто прибыл с побережья Ионии, – произнес Павсаний, оглядывая собрание. – Вы можете рассказать остальным, как Персия постепенно возвращается – через торговлю, чиновников, через свои мелочные законы и через уста людей, которые берут персидское золото, чтобы славить империю и ругать свободу.

В толпе закивали, и Павсаний тоже кивнул.

– Персия потерпела поражение при Платеях и при Саламине, где такие люди, как Фемистокл, Ксантипп и Кимон, сражались бок о бок с Эврибиадом из Спарты и где мы дали отпор врагу, многократно превосходившему нас. Мы одержали победу над ними на море и на суше, однако Персия не исчезла, и среди нас есть те, кто считает, что нельзя позволить ей снова стать сильной и предпринять новый поход. До сих пор мы только отбивались от них и впадали в спячку. Нам нужно избавиться от этого проклятия. Они пришли на фенхелевое поле Марафона, где Аристид и Ксантипп сотворили такие чудеса, о которых будут рассказывать тысячу лет. И все же та великая победа принесла Афинам всего лишь десятилетие мира – пока они не пришли снова.

– Что мы можем сделать? – крикнул кто-то.

Уж не один ли из спартанцев, подумал Перикл.

Павсаний помолчал, словно в раздумье, и ответил:

– Если гадюка устраивает гнездо под полом дома, мы не сидим сложа руки и не ждем, пока ее детеныши начнут заползать ночью в наши комнаты. Нет, мы находим гнездо и выжигаем дотла.

Окинув взглядом собравшихся и увидев на многих лицах сосредоточенность и целеустремленность, он протянул руку, указывая на темные, неподвижные воды:

– Это наше море, вечное. Оно названо в честь отца Тесея, Эгея, и мы плаваем по нему от Крита до Фракии, от Афин и Аргоса до побережья Ионии. Мы заслужили эту свободу, это право кровью и потом. При Марафоне, при Платеях и при Саламине. Мне говорили, что Персидская империя огромна, что она простирается далеко на восток – за пределы воображения. Однако же именно по этому морю Одиссей возвращался домой, и здесь Ясон искал руно. Оно – наше.

Павсаний сделал паузу, и никто не выкрикнул из толпы – все ждали, пока он подберет нужные слова. Потом он вскинул руку, как будто выхватил их из вечернего воздуха.

– Я – спартанец. Я знаю, что нет никаких истинных прав, никаких законов, кроме почитания богов и уважения того, что мы считаем своим. Все хорошее должно быть завоевано такими, как мы, вырвано из рук врагов... или отдано. Ничего другого жизнь нам не должна.

Это говорил человек, бывший регентом в Спарте и за одно лето познавший всю власть царя. Перикл внимал ему с невольным восхищением и благоговейным трепетом. Лучшего оратора он еще не слышал. Все застыли в молчании. Даже Тисамен стоял, склонив голову, словно в присутствии святыни.

Павсаний улыбнулся, приподняв, будто в изумлении, бровь.

– Сегодня вы представляете великий флот, у которого хватит сил сжечь последние персидские крепости в нашем море. Для этого я пришел сюда, к вам, чтобы соединить наши силы. Я не поведу вас против простых деревень или уже разрушенных крепостей. Нет, у Персии осталась только одна важная крепость в нашем море. У нас есть корабли и люди, чтобы изгнать их оттуда – в этом году.

Это слово уже произносили шепотом, который, словно легкий ветерок, пронесся над собранием:

– Кипр...

Остров цветов и меди. Перикл слышал о нем не в первый раз. Остров Кипр лежал к востоку, за Эгейским морем, у берегов Финикии. Пятьдесят лет назад персы перебили там местных жителей и построили город-крепость. О крепости говорили, что она неприступна, у

нее высокие стены и ворота и ее защищают воины империи. После поражений у Саламина и при Платеях персы, может быть, и отступили через Эгейское море, но с Кипра они не ушли. Стоя на покачивающейся сдвоенной палубе, Перикл уже представлял, дав волю воображению, как огромный греческий флот атакует эту крепость. Какое смелое, дерзкое предприятие. Наконец-то он увидит настоящее сражение. Сердце забилося сильнее. Он докажет, чего стоит. Фетида придет к нему, поняв, что совершила ужасную ошибку, предпочтя уже женатого Кимона, когда могла обхватить своими длинными ногами его, Перикла...

– Вот почему я пришел сюда, – добавил Павсаний и улыбнулся еще шире, отразив выражение их лиц.

Безуспешно отгоняя нечестивые мысли, Перикл замер. Краем глаза он увидел, как его отец, Ксантипп, согласно кивает. А что еще ему оставалось?

– Я поговорю с военачальниками и обсужу практические вопросы, – сказал Павсаний. – Повторяю, я не склонен к опрометчивым решениям. Я выбираю нужный момент, и это лето – самое лучшее время сорвать персик.

* * *

Гребцов на лодке было четверо. Перикл, Кимон и Фетида устроились на носу, но потом к ним присоединился Ксантипп, закутавшийся от вечернего холода в плащ с меховым подбоем. Ждать свою лодку архонт не стал. Спуститься ему помогал Эпикл, которого Перикл знал с самых юных лет.

– Эпикл! Я и не думал, что ты здесь! – обрадовался он.

Намного моложе Ксантиппа, Эпикл был все же старше Перикла или Кимона. В его волосах серебрилась седина, но он оставался на редкость хорош собой. Они обнялись, отчего лодка опасно качнулась.

– Где еще мне быть, как не рядом с твоим отцом? – усмехнулся Эпикл. – А ты вырос, Перикл. Приятно видеть тебя таким сильным. Слышал, ты охотился на персов во Фракии.

– Небезуспешно. Кимон, это Эпикл, старый друг моего отца и мой второй отец.

Перикл взглянул на Ксантиппа – как он воспримет такое представление, но тот не обратил на это никакого внимания, полностью погрузившись в свои мысли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.